

Валентина Зайцева

Когда чувства
выходят
за рамки
контракта

Не по сценарию

18+

Валентина Зайцева

Не по сценарию

«Автор»

2026

Зайцева В.

Не по сценарию / В. Зайцева — «Автор», 2026

Работа на скандальном ток-шоу Ночной Разговор научила Катю главному: всегда оставаться в тени. Она — ассистентка, «человек-невидимка», чья задача — варить кофе и исправлять чужие ошибки за кадром. Но одна нелепая случайность в темном переулке Останкино переворачивает её жизнь. Облитая чаем и запутавшаяся кудрями в пуговице незнакомца, она еще не знает, что перед ней — Дмитрий Тан, самая яркая кинозвезда мира и человек с репутацией неприступного айсберга. То, что началось с неловкого столкновения оборачивается грандиозным контрактом. Чтобы спасти имидж актёра после громкого расставания, Кате предлагают сделку: на три месяца стать его «официальной» девушкой для прессы. Теперь её жизнь — это вспышки папарацци, роскошные платья и фальшивые улыбки. Но за ослепительным фасадом скрывается другой Дмитрий — израненный славой, недоверчивый и бесконечно одинокий. Катя видит то, что скрыто от объективов, и понимает: играть любовь по договору невыносимо, когда сердце начинает биться по-настоящему.

© Зайцева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Не по сценарию

Глава 1

Десять тридцать вечера в субботу на ток-шоу «Ночной Разговор» – и уже в третий раз за смену незнакомая мне женщина рыдает в моих объятиях.

– Моя жизнь кончена, – всхлипывает она мне в плечо.

Тушь капает с подбородка и стекает по блузке тёмными ручейками. На ковролине под ней образовалась своя маленькая лужица – будто Алиса из Зазеркалья наплакала целое озеро слёз. Наверное, в подвале уже прорвало трубу от такого потока.

– Я больше никогда не смогу никому посмотреть в глаза, – продолжает она.

Я глажу её по спине успокаивающими движениями и украдкой бросаю взгляд на часы. Меня послали сюда, чтобы вежливо выпроводить её из гримёрки – комнату нужно срочно убрать и подготовить для следующего гостя. Но после всего, через что она прошла сегодня в прямом эфире, вышвыривать плачущую женщину на улицу – это уже слишком даже для наших стандартов. Сначала нужно её хоть немного успокоить, привести в чувство.

– Ну-ну, – говорю я бесполезно, понимая, что слова сейчас мало помогут. – Всё будет хорошо, э-э...

Я поворачиваюсь и шурю на помятый лист с расписанием, приклеенный к двери скотчем.

– Мария? Обещаю, ты справишься. Через пару недель все забудут, что это вообще было.

Это наглая ложь, и мы обе это знаем. Один из стажёров уже загрузил её живое интервью на RUTube-канал «Ночного Разговора». Теперь это навсегда останется в интернете. Единственный выход – сменить имя, порезать кредитки, уехать куда-нибудь в Тверскую область. Построить там избушку на отшибе, завести чёрного кота и стать настоящей лесной ведьмой. Собирать грибы, варить травяные отвары и пугать местных детишек.

Я тактично молчу об этом варианте.

Я видела интервью Марии со стороны монитора в техническом блоке. Примерно пятнадцать минут назад её завели в студию – невинную и доверчивую, как ягнёнка на бойню. Она выглядела красиво, собранно, ухоженно – будто вовремя платит все налоги и каждое утро пьёт полезные смузи с овощами. Туфли на каблуке точно такого же нежно-розового оттенка, как помада. Маникюр свежий, укладка аккуратная. Она мило улыбнулась в камеру, уверенно села в кожаное кресло, представилась приятным голосом и начала спокойно рассказывать, как ей сложно добиться государственной квоты на уменьшение груди.

Ведущий Павел Новиков отреагировал на её историю «чутко и по-человечески»: назвал её нытиком и жирной нахлебницей, сказал, что простые налогоплательщики не обязаны оплачивать ей всякие дорогие операции, и, если ей так не нравится собственная грудь – зачем вообще носит такие обтягивающие кофты. Потом с выражением зачитал самые мерзкие комментарии зрителей из чата, пока она не превратилась в мокрую, едва живую тряпку и не сползла с дивана. Её буквально соскребли оттуда двое здоровенных рабочих сцены и притащили сюда, в гримёрку.

Может, жизнь Марии действительно кончена – но для Павла Новикова, самого большого гада России, это просто обычный рабочий день. Очередная смена. Это не моё личное оскорбление в его адрес – это вообще-то официальное звание. В прошлом году какая-то крупная газета провела огромный опрос среди миллионов россиян, выясняя, кто самый хамский телеведущий страны, и Павел победил с огромным отрывом от конкурентов. Красивую табличку с этой надписью он гордо держит в своём кабинете на самом видном месте. Мы все здесь очень гордимся этим достижением.

Структура «Ночного Разговора» работает примерно так: Павел Новиков заманивает очередного наивного гостя якобы поговорить по душам о пластической хирургии, веганстве, феминизме или другой острой социальной теме. Обещает умную культурную дискуссию, уважительный диалог. Камеры включаются, начинается прямой эфир – и следующие десять минут он просто методично издевается над человеком, перекрикивает его, не даёт вставить ни слова в свою защиту. Дома за экранами тысячи самых злобных зрителей довольно кивают в свои пенные кружки с пивом, а нормальные адекватные люди пишут возмущённые гневные посты в социальных сетях. Телеканал собирает заветные просмотры и рейтинги, Павел гребёт деньги лопатой, а я за кулисами становлюсь бесплатным психотерапевтом для искалеченных душ.

– Я же думала, что мне дадут спокойно высказаться! – плачет она горько. – Он просто орал всё время поверх меня! Не давал рта открыть!

– Он так делает абсолютно со всеми, – мягко успокаиваю я, аккуратно отдирая приклеившиеся накладные ресницы с её мокрых щёк. – Это совсем не твоя вина. Ты тут вообще ни при чём.

Протягиваю ей целую пачку бумажных салфеток. У нас тут всегда полный стратегический запас: салфетки трёхслойные, успокоительное, водка «Пшеничная» и номер круглосуточной кризисной службы на всякий случай.

Она судорожно вытаскивает салфетку и прячет в неё заплаканное лицо.

– Все же смотрели... Родители дома у телевизора. Парень с друзьями. Все коллеги на работе наверняка видели. Зачем я вообще согласилась на это? – голос срывается. – Какая же я дура!

Она сжимает кулаки так сильно, что костяшки белеют.

– Боже, как я себя ненавижу, – шепчет она почти беззвучно.

– Нет! – обнимаю её ещё крепче.

От неё пахнет каким-то сладким конфетным спреем для тела – и от этого запаха сердце щемит и сжимается. Такая молодая девчонка, зачем только пришла сюда.

– Не ненавижь себя, пожалуйста. Он – законченная сволочь, а не ты. Ты нормальный хороший человек.

Осторожно разжимаю ей напряжённые пальцы, чтобы острые розовые ногти случайно не впились в ладони до крови.

– Не надо так, милая, ты же себе только навредишь. Послушай меня внимательно: ты вообще ничего плохого не сделала. Совсем ничего. Ты просто пришла поговорить о том, что для тебя действительно важно. Ты была смелой и открытой. Не дай этому уроду залезть тебе в голову. Не дай ему победить и сломать тебя.

Резкий стук в дверь прерывает мою вдохновенную речь.

Продюсер Людмила Петровна просовывает в дверь свою крашеную голову.

– Катя, ты срочно нужна. – Она недовольно хмурится, оглядывая сцену. – Что ты тут вообще делаешь?

– Гостя сильно расстроена. Я её успокаиваю.

Она морщится, словно от зубной боли.

– Ну и пусть себе поплачет. Выпьешь дома вина и переживёшь как-нибудь, – бросает она Марии с фирменной «нежностью» и материнской заботой. – Катя, немедленно выходи. У нас тут настоящее чрезвычайное происшествие. Все на ноги подняты.

Я виновато смотрю на Марию – она вцепилась в мой рукав, как напуганный мокрый котёнок.

– Но... она же всё ещё плачет. Мне её оставить?

Людмила Петровна устало поворачивается к ней.

– Выпей вина и соберись уже. Сейчас же, Катя. Живо!

Я напоследок крепко обнимаю Марию и выскакиваю за Людмилой Петровной в коридор. Рот открывается сам собой от удивления.

Полный бардак и хаос.

Я никогда в жизни не видела телевизионную студию в таком паническом состоянии. Люди буквально носятся туда-сюда, истошно орут в гарнитуры и мобильные телефоны. Макияжёр Михаил мечется по узкому коридору, распахивает все гримёрки подряд и тревожно заглядывает внутрь каждой. Людмила Петровна стоит посреди этого безумного хаоса, мрачная и сосредоточенная, как опытный полководец на поле кровавой битвы.

– Что вообще происходит? – в искреннем ужасе спрашиваю я.

– Звёздный гость бесследно пропал. Приехал больше часа назад, прошёл на студию, а теперь взял и исчез, как в воду канул. Пришлось срочно перекраивать всю эфирную сетку на ходу. Если не найдём его за ближайшие полчаса – мы все в ж... в полной заднице. Понимаешь?

– Ого. – Кроме традиционных унижений простых людей, иногда на шоу приглашают настоящих звёзд – чтобы те продвигали свой новый альбом, книгу или фильм. С ними Павел всегда удивительно мил и вежлив – он очень любит большие деньги и полезные связи.

Я с интересом наблюдаю, как Михаил с силой рвёт дверь тёмной кладовки и подозрительно осматривает высокий потолок – вдруг гость оказался ниндзя и прячется там.

– Наверное, он просто где-то в студии прячется, – осторожно предполагаю я. – Тут же настоящий сумасшедший дом творится.

Она недовольно хмурится.

– Он не невидимка какой-нибудь. Мы бы точно заметили целого взрослого мужика, спокойно бродящего по студии. Значит, сбежал через какой-то выход. – Она подозрительно косится на решётку вентиляции и тянется к столу с закусками – потом издаёт протяжный стон отчаяния: всё безжалостно разграблено.

Красивые фарфоровые тарелки с бутербродами и печеньем, которые я старательно представляла два часа назад, превратились в жалкие крошки и пустые чашки с остывшим чаем. Людмила Петровна – настоящий чемпион России по заеданию стресса. Однажды я собственными глазами видела, как она за одну минуту целиком сожрала пачку «Юбилейного». Как удав проглатывает добычу – даже толком не жевала.

– Он же должен был идти в студию в паре с какой-то девушкой? Как её там зовут... Жанна? Может, она хотя бы одна интервью даст?

Людмила Петровна наконец выкапывает из общей кучи один сломанный бисквит и смотрит на него печально, как на мёртвого ребёнка. Потом решительно откусывает половину.

– Я её минут десять назад отправила домой на такси, – бормочет она с набитым ртом. – Без него она – просто красивая бесполезная декорация. Мы вообще её взяли только ради романтической линии с ним.

– Ну всё равно лучше, чем совсем ничего?

Она с трудом допивает остатки холодного чая из чужой кружки и брезгливо кривится.

– Хуже, чем вообще ничего. Она абсолютно неинтересна как личность. – Протягивает мне пустую липкую кружку. – Катя, убери весь этот бардак и свари всем нормального кофе. И печенье свежее принеси, пожалуйста. Без сахара у меня мозг совсем выключается.

Я послушно киваю – искренне рада хоть какому-то простому понятному делу.

– Да, конечно, кофе. Сейчас сделаю. – Начинаю методично собирать грязные кружки и тарелки на большой поднос.

Не хочу хвастаться, но кофе – это действительно моя главная специализация на работе. Я простая бегающая ассистентка, самая нижняя ступенька карьерной лестницы. Моя работа – выполнять абсолютно любые поручения с улыбкой на лице. Сегодня я уже сварила около двухсот чашек кофе разной крепости, объехала на такси четыре ресторана за заказами ужина и даже феном сушила потные пятна на рубашке самого Павла перед эфиром.

Прямо захватывающе интересно. Обожаю свою работу.

В конце длинного коридора с громким грохотом распаивается тяжёлая дверь студии. Входит сам Павел. Все моментально отводят глаза в сторону. Отчасти из уважения к начальству, отчасти потому что Павел Новиков – не совсем то зрелище, на которое приятно долго смотреть. Очень розовый и очень потный. Как большой кусок варёной буженины в сером мятом костюме. Он тяжело топает прямо к нам.

– Павел Сергеевич! Вы же должны быть сейчас в кадре? – испуганно пищит Людмила Петровна.

– Реклама идёт, – бросает он коротко.

Он с такой силой швыряет свою кружку на мой заполненный поднос, что всё звенит и подпрыгивает. Я всей душой ненавижу его кружку. Белая, неприятно тяжёлая, с глупой надписью красными буквами «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, Я ГОРЯЧИЙ». Каждый раз, когда подаёшь ему эту кружку, он многозначительно тычет толстым пальцем в надпись, медленно поднимает бровь – и приходится притворно смеяться, иначе точно уволит за неуважение.

– Ну? Нашли уже этого артиста?

Людмила Петровна жалко съёживается.

– Ещё нет, Павел Сергеевич. Но обязательно найдём!

Лицо Павла Новикова моментально становится кирпично-красным. На широком лбу угрожающе пульсирует мультяшная вена. Он шипит и клокочет внутри, как настоящий вулкан перед извержением.

– Я НЕНАВИЖУ ЭТИХ ЧЁРТОВЫХ АРТИСТОВ! – внезапно оглушительно орёт он, и всё моё тело болезненно дёргается, будто от сильного удара электрическим током.

Я очень пугливая по жизни. Меня невероятно легко напугать – это многих вокруг искренне смешит. У моей соседки снизу живёт маленький йорк в яркой светоотражающей курточке с честной надписью: «Я нервный, дайте мне пространство». На прошлый Новый год моя соседка по квартире Лена подарила мне точно такую же куртку – только человеческого размера. Я иногда её даже ношу.

Когда Павел Новиков внезапно орёт – я каждый раз подпрыгиваю, как от болезненного электрошока. Руки сами собой резко взлетают к испуганному лицу, поднос опасно переворачивается. Двадцать полных до краёв кружек с грохотом обрушиваются мне прямо на грудь и разлетаются по ковру во все стороны. Тёплый сладкий чай широкими потоками льётся по рубашке, по волосам, неприятно затекает в туфли.

И одна крошечная капля предательски попадает на руку Павлу.

Мгновение мёртвой тишины. Все столпившиеся в коридоре разом поворачиваются посмотреть. Пустая кружка со звоном докатывается до противоположной двери.

Потом Павел драматично хватается за запястье и оглушительно ревет от якобы нестерпимой боли.

– АЙ! ТЫ МЕНЯ ОБОЖГЛА! – истошно визжит он. – Я ЧТО, ПЛАЧУ ТЕБЕ ЗАРПЛАТУ, ЧТОБЫ ТЫ МНЕ РУКУ КИПЯТКОМ СОЖГЛА?

– Простите, пожалуйста, – задыхаюсь я. – Боже мой. Очень простите. Вы в порядке?

Он грозно нагибается ко мне вплотную. Я инстинктивно съёживаюсь.

– КОНЕЧНО, НЕТ! КАК Я ТЕПЕРЬ БУДУ СНИМАТЬ ШОУ С ТАКИМ СЕРЬЁЗНЫМ ОЖОГОМ?

– Но... это же холодный чай, – глупо выпаливаю я.

Ноздри угрожающе раздуваются, как у разъярённого дракона.

– Что ты сказала?

– Холодный чай, Павел Сергеевич. Вот смотрите, я же вся мокрая с головы до ног – и ничего страшного.

Лицо становится пугающе багровым. Я впиваюсь ногтями в собственные ладони и внутренне готовлюсь к тому, что меня сейчас ударят прямо здесь, на рабочем месте, при всех.

– Простите... очень-очень сильно. Хотите, я сделаю вам свежий горячий чай? Или может полотенце принесу?

Один из молодых звукорежиссёров героически решает спасти мне жизнь.

– Павел Сергеевич, вас уже ждут в студии. Через три минуты – снова в прямой эфир.

Он гневно рычит, недовольно бурчит себе под нос и резко разворачивается.

– Кто-нибудь – срочно новую рубашку! Эта безнадежно испорчена!

Людмила Петровна бросает на меня убийственный многообещающий взгляд и торопливо убегает за ним следом.

Толпа любопытных постепенно расходится, оживлённо шушукается и откровенно глязет. Я остаюсь совершенно одна – тихо стою и капаю остатками чая в большую лужу. Медленно наклоняюсь за разбросанными кружками. Руки предательски слегка дрожат. Лампа дневного света над головой тревожно мигает.

Молодой стажёр Артём услужливо подсакивает с жёлтой шваброй.

– Я сам уберу, Катя, – весело говорит он.

Мы оба прекрасно знаем: к концу сегодняшнего вечера это уже будет именно его постоянная работа.

Я устало киваю, натянуто улыбаюсь и механически собираю остальное, потом медленно плетусь на маленькую кухню выгрузить тяжёлый поднос. Ставлю аккуратную подпись в журнале – официально ухожу на законные десять минут перерыва. В такие напряжённые моменты определённо лучше исчезнуть с глаз, пока кто-нибудь не решил, что ты слишком долго на виду попадаешься.

И вообще – я сейчас просто упаду в обморок. Ладони неприятно потные, яркий свет режет усталые глаза. Адреналин бурлит в крови. Перебор, конечно, но моё нервное тело обожает драматизировать любую ситуацию.

Открываю запасной чёрный ход и буквально вываливаюсь на прохладную тёмную улицу за студией – автоматически подпираю тяжёлую дверь ногой. Свежий ночной ветер приятно остужает мокрую кожу, треплет влажные волосы. Глубоко выдыхаю – давление постепенно возвращается в норму. Я в порядке. Всё в порядке.

И вдруг откуда-то из густой темноты громко гремит возмущённый мужской голос:

– Да пошли вы все на...! Можно меня наконец оставить в покое?

Я так сильно вздрагиваю от неожиданности, что случайно отпускаю дверь. Она с глухим стуком захлопывается – и всё вокруг мгновенно погружается в непроглядный чёрный мрак.

Глава 2

Это как будто меня внезапно ослепили повязкой, и я оказалась в абсолютной темноте.

Я никогда не замечала, насколько темно становится здесь по ночам. Это чёрный ход за студией – узкий проулок, отрезанный от улицы высокими корпусами Останкино. Ни одного фонаря, ни света из окон. Ничего. С закрытой дверью кухни я вижу только смутные очертания и угрожающие силуэты. Где-то вдалеке гудит ночной город, слышен шум машин с проспекта, но здесь – мёртвая тишина. Я отступаю на шаг, шаря рукой в поисках ручки двери. Не нахожу. Слишком поздно. Меня сейчас точно зарежут.

– Кто вы? – шепчу я в небо, будто голос прогремел откуда-то с небес.

Мужчина вздыхает так, словно сегодня худший день в его жизни.

– Как вы вообще меня здесь нашли? Ладно, давайте. – Я вздрагиваю, когда его голос приближается сбоку. – Дайте что-нибудь, на чём писать.

Что? Я продолжаю лихорадочно гладить дверь ладонями. Неужели у неё вообще нет ручки?

– У меня ничего нет для письма? Слушайте, что вы вообще здесь делаете? В таком месте, в такое время?

– Тогда давайте вашу руку.

Не успеваю ответить – большая тёплая ладонь ложится мне на плечо. Я застываю и дрожу, как испуганный оленёнок перед фарами. Тёплые пальцы медленно скользят по моей руке, легко касаясь кожи, и останавливаются на сгибе локтя. Слышу характерный щелчок пластика, воздух наполняется резким больничным запахом спирта, а потом что-то мягкое касается моего запястья. Оно кружит по коже гипнотически, словно рисует невидимые узоры. К тому моменту, как я понимаю, что происходит, я уже слишком шокирована, чтобы отстраниться. Слышу, как он закрывает колпачок ручки и суёт её в карман.

– Вот. А теперь оставьте меня в покое, пожалуйста.

Ужас приходит медленно, накатывая волной.

– Вы только что написали на мне? – шепчу я с недоверием.

– Не за что.

– Я... Зачем мне это? Это ваш номер телефона? Вы же меня даже не видите! Я могу быть страшной как смерть!

Мужчины иногда поражают до глубины души своей самоуверенностью.

– Я точно не исключаю этого, – отвечает он сухо. Акцент у него – чистый, как у диктора «Первого канала», выговаривает каждую букву. – С какой стати я бы дал вам свой номер?

– А зачем тогда писать на мне? – Я поворачиваю руку, пытаюсь разглядеть надпись. Глаза постепенно привыкают к темноте, и жуткая чернота превращается в серые тона. Становятся видны мусорные баки у противоположной стены и мусор на асфальте. Страх постепенно сменяется раздражением.

Я подношу запястье ближе к лицу и едва разбираю крупные петли почерка.

– Что там написано? Это перманентный маркер? Господи, я не могу так закончить смену! Волосы на затылке встают дыбом, когда мужчина резко поворачивается ко мне.

– Смену?

– Смену, да, – я лизу большой палец и яростно тру по надписи. Насколько я вижу в темноте, она не стирается ни капли. – У меня ещё часы впереди, снимаем до полуночи. Наверное, дольше. Какой-то придурок отказывается давать интервью, всех держит.

Несколько долгих секунд тишины.

– О, – говорю я. – О. А. Э-э... Это ведь не вы, случайно?

– Похоже на то, что я бы именно так и сделал, – отвечает он задумчиво, даже философски.

Я шурюю туда, откуда идёт голос. В темноте постепенно вырисовывается огромный, мерцающий силуэт. Массивные руки, широкие плечи, как у пожарного или грузчика с Ярославского вокзала.

– Вы в порядке? – осторожно спрашиваю я. Он вздрагивает. – Почему вы прячетесь здесь в темноте? Все бегают по студии, ищут вас как партизана.

Он фыркает раздражённо.

– Я не прячусь. Говорил по телефону. Потом телефон сдох. Почему у вас тут вообще нет света?

– Потому что это место для мусорных баков, – терпеливо объясняю я. – Слушайте, если вернётесь внутрь, я заряджу ваш телефон, без проблем. У меня есть зарядка.

– Нет. – Слово звучит так холодно, что воздух вокруг словно становится холоднее на пару градусов.

Ладно, понятно.

– Есть причина, почему не идёте? Нервничаете? Можем принести вам бокал вина или что-то покрепче, это нормально!

Он фыркает с издёвкой.

– Я не нервничаю. Уже пару раз это делал.

– Отлично. – Жду в тишине. – Э-э... Может, сделаете это ещё раз? Прямо сейчас? Нам не платят за переработки, знаете ли.

Молчание длится вечность.

Я прислоняюсь к холодной двери спиной. Мне приходит в голову неожиданная мысль: если именно я найду пропавшего гостя, Павел Новиков, может быть, забудет, что случилось в коридоре. Надо его как-то затащить внутрь, уговорить.

– Что-то не так? – мягко спрашиваю я пустоту.

Не понимаю, что на меня нашло. Обычно я бы насторожилась при виде огромного незнакомого мужчины в московском тёмном проулке, в тени, словно из детективного сериала. Но он не звучит как маньяк или бандит. Несмотря на чёткий акцент, голос глубокий, мягкий, бархатный. От него у меня по коже мурашки бегут, как от камертона. Я всегда говорила подругам, что внешность для меня не главное в мужчинах, но это первый раз в жизни, когда меня тянет к бестелесному голосу. Я робко решаю про себя: он слишком сексуально звучит, чтобы быть убийцей.

Вероятно, именно такие мысли приводят к тому, что людей убивают, снимают кожу и делают из них чучела для секс-кукол. Но почему-то здесь, с этим раздражённым незнакомцем, я чувствую себя в большей безопасности, чем внутри студии, где Павел Новиков постоянно орёт на всех подряд, девушки плачут в туалете, а свет всегда режет глаза.

Наши бока вдруг соприкасаются – он прислоняется к стене рядом со мной. Я немного отшатываюсь.

– Я должен быть здесь, чтобы продвигать свой новый фильм, – говорит он с тоской. – Мою бывшую пригласили вести интервью со мной.

Я морщусь от сочувствия.

– Боже. Зачем так?

Он звучит невероятно раздражённо и устало одновременно.

– Ради просмотра и хайпа. Мы ещё не объявили публично о расставании, но продюсеры в курсе. Я звонил им целый час, чтобы её убрали из интервью. Я не собираюсь притворяться, что мы счастливая пара, когда это давно не так. А именно это нам обоим придётся делать перед вашей съёмочной группой и камерами, если я сейчас зайду.

Я вспоминаю разговор, который краем уха слышала.

– Погодите, вашу бывшую зовут Жанна? Или как-то так? – Он напрягается всем телом. – Я слышала, её отправили домой, так что можете не переживать. – Я пытаюсь утешающе похлопать его по руке и попадаю по твёрдому животу, как по бонго. – Ой, извините!

Он резко вздрагивает, и что-то падает на землю с металлическим звоном.

– Не трогайте меня, – бормочет он, неловко наклоняясь за упавшим. Когда выпрямляется слишком резко, острая боль пронзает мне макушку.

Я пишу и вслепую хватаю его за руку, притягивая вниз.

– Ай, простите, но, кажется, мои волосы намертво зацепились за вашу пуговицу. – Я тяну его ниже к себе. – Извините. Очень больно.

Он неохотно пригибается ко мне.

– Вы что, домовый какой-то? Я себе спину сломаю к чёртовой матери.

– Может, вы просто огромный, как шкаф, – угрюмо бурчу я, пальцами ощупывая его широкую грудь в поисках зацепа. На нём тонкая, накрахмаленная рубашка, от каждого движения пахнет дорогим одеколоном. Запах согревает воздух между нами. Под ладонью чувствую твёрдые мышцы и ровное биение сердца. Я сглатываю комок в горле. Надо как-то разрядить неловкость.

– Так как вас зовут?

– Вы не знаете? – Его рот оказывается у самого моего уха. По спине пробегает ощущение, будто шёлк скользит по обнажённой коже.

– Я не ящерица, у меня нет теплового зрения в темноте. – Он молчит. – Я Катя, – подсказываю я ободряюще.

Он тихо хмыкает и начинает осторожно помогать распутывать волосы. Пальцы случайно касаются моей влажной рубашки, и он резко замирает.

– Почему, – произносит он ужасающе медленно, – вы мокрая?

– Это чай. Облилась.

– Я-то думал, почему от вас так странно пахнет. – Он осторожно проводит рукой по моим спутанным кудрям, потом негромко ругается и пытается выдернуть своё запястье. – Что с вашими волосами? Они что, живые? Кажется, они мою руку жрут по локоть.

Я стискиваю зубы и решаю не отвечать на оскорбление. Замечание вполне справедливое. Мои волосы светлые, до пояса, и путаются при малейшем движении или лёгком ветерке. Если ложусь спать без резинки – просыпаюсь как результат запрещённого научного эксперимента по скрещиванию человека и швабры.

Я дёргаю их раздражённо. Чем сильнее тяну, тем крепче затягиваются узлы. Совсем как китайская ловушка для пальцев.

– Может, зайдём внутрь? Мне правда нужен свет.

– Нет. – Слово падает, как удар тяжёлой железной двери.

– Почему нет? Вашу бывшую же уже давно увели.

– Я слишком уродливый.

– О. – Я пытаюсь лихорадочно придумать, что сказать. – Зато, наверное, богатое воображение или что-то в этом роде.

Он коротко фыркает.

– Не особо, если честно.

Где-то в городе начинает бить колокол. К нему постепенно присоединяются другие, гулко разносясь над вечерней Москвой. Одиннадцать ударов. Мои десять минут давно истекли.

– Чёрт побери. Мне уже пора. Я сейчас превращусь в тыкву.

– Не стесняйтесь. Можете спокойно сделать это здесь, я не против. Не дёргайтесь сильно, кажется, я наконец-то разобрался. – Кончики его пальцев мягко касаются моей щеки, бережно наклоняя голову ближе, пока он осторожно тянет за запутавшийся локон. Наши лица оказываются так близко друг к другу, что я чувствую его тёплое дыхание на губах.

Между нами внезапно вспыхивает яркая белая вспышка. Я моргаю, на миг ослеплённая, и широкий силуэт мужчины намертво отпечатывается на сетчатке глаз.

– Что это было? – Я в панике оглядываюсь, зрение снова тонет в густой черноте. – Молния?

Мужчина громко и отборно ругается матом и начинает работать над волосами гораздо энергичнее.

– У вас вообще расчёска есть?

– Когда-то была, – печально отвечаю я.

Ещё одна вспышка. И ещё, и ещё. Если это молния, то это немая гроза прямо над нашими головами. Каждый световой удар дарит мне новый фрагмент – короткое, ослепительное воспоминание о его лице. Я жадно собираю эти кусочки, пытаюсь сложить их в невозможную, слишком совершенную мозаику.

Высокий, чистый лоб, над которым волосы – тёмная, почти чёрная волна – зачесаны с безупречной небрежностью. Линия скул плавная, но определенная, как будто выточенная из благородного мрамора, а не просто из кости. Никаких резких углов – только гармония и безупречные пропорции, которые заставляют сердце биться чаще.

Его глаза... Они тёмные, глубокие, как осенняя земля, и имеют миндалевидную форму. Во вспышках – они поглощают свет, становясь бездонными и нечитаемыми, но при этом невероятно притягательными. И этот взгляд сейчас прикован ко мне, тяжелый и осознанный.

Линия подбородка уверенная, но не тяжеловесная, а губы... губы будто созданы для тихой, загадочной улыбки, которой сейчас нет. Он одет в идеально сидящий черный пиджак, подчеркивающий ширину плеч, которые кажутся не просто широкими, а несущими какую-то спокойную, врожденную мощь.

Он не из углов и теней. Он из линий – плавных, безупречных, дышащих недоступностью. Я ловлю себя на том, что не дышу, а холодная дрожь пробегает по коже, будто от близкого соприкосновения с чем-то абсолютно иным.

Он снова отборно ругается и резко поворачивается.

– Да пошли вы все на хрен. Сняли своё, хватит, – орёт он в сторону мусорных баков.

Папарацци. Вот чёрт.

Боже мой. А если завтра я окажусь в какой-нибудь жёлтой газете? С такими растрёпанными волосами.

Одним последним, решительным и торжествующим рывком мужчина наконец освобождается из моей волосяной западни. Пуговица со звоном отлетает от рубашки и цокает по асфальту. Мои проклятые волосы порвали рубашку настоящей знаменитости.

Он твёрдо кладёт руки мне на талию и разворачивает меня, как балерину на сцене, настойчиво направляя к двери.

– Идите. Сейчас же. – Вдруг он звучит по-настоящему в ярости.

Испуганная его тоном, я снова шарю по двери, наконец находя холодную металлическую ручку. Яркий жёлтый свет выплёскивается в тёмный проулок, когда я с усилием толкаю дверь, и на один краткий миг я ясно вижу великана в дорогом костюме, прежде чем он быстро отступает обратно в глубокую тень.

– Эй. Вы точно не идёте?

– Нет.

Я устало вздыхаю.

– Слушайте, ничего страшного в том, что вы уродливый. Главное ведь – что внутри, в душе.

Кажется, я отчётливо слышу, как скрипят его стиснутые зубы.

– Если так сильно хотите домой, найдите продюсера и приведите его сюда. Мне нужно лично убедиться, будет Жанна вести это интервью или я.

– Но я же сказала...

– Я вам не верю. – Голос больно режет меня. – Заходите внутрь, пока не натворили ещё каких-нибудь бед.

Я возмущённо задыхаюсь.

– Каких ещё бед...

– До свидания, – твёрдо подсказывает он. Потом небрежно через плечо: – Эй, ты там. Покажи мне камеру, давай.

Да ну его к чёртовой бабушке. Он выглядел под два метра ростом, я его точно не подниму и не унесу на плече в студию. Просто сдам охране и дело с концом. Я неохотно захожу внутрь с самым странным ощущением, будто за спиной на меня пристально смотрят чьи-то глаза.

И сразу же врезаюсь в чью-то твёрдую грудь.

Он быстро хватает меня за локти, удерживая от падения.

– Ах. Извините меня, пожалуйста. Моя вина целиком.

Не верю своим глазам и ушам. Вежливый человек! Первый за весь этот бесконечный вечер! И довольно горячий на вид: лет тридцать с небольшим, высокие аристократичные скулы, светлая кожа с россыпью веснушек. Безупречно одет в элегантный костюм цвета спелой сливы и стильные очки в толстой оправе, на предплечье небрежно держит лакированную трость из дорогого дерева. Весь образ – сексуальный столичный профессор.

– Простите ещё раз. – Я искренне улыбаюсь ему. – Вам чем-то помочь?

– Да, не подскажите, вы не видели здесь случайно Дмитрия Тан? Высокий такой, тёмно-коричневые волосы... – Он неопределённо машет рукой у своего лица, – вечно хмурится, как осенняя туча? Я его пиар-менеджер. Он опять сорвался с поводка.

– Простите, кого именно? – вежливо спрашиваю я.

– Дмитрия Тан? Актёр? Вы точно узнаете, если увидите его, он довольно заметный человек.

Ещё бы. Его грация сводит мир с ума. Уже второй месяц лицо Дмитрия Тана – первое, что я вижу утром, и последний образ в сумраке вечера. Оно занимает весь торец здания на маршруте моего автобуса, превращая поездку в личный, слегка сюрреалистичный ритуал.

Это не просто «лицо». Это – вызов, замороженный во времени. Идеальная линия бровей, чуть сведенных к переносице, не от гнева, а от глубины сосредоточенной, внутренней мысли. Миндалевидные глаза, подернутые дымкой не то задумчивости, не то легкой усталости от мира, смотрят сквозь тебя, видя что-то за горизонтом банальной реальности. В них нет открытого вызова, лишь тихая, всепоглощающая уверенность, которая притягивает сильнее любой улыбки.

А губы... Губы – это отдельная история. Их естественный, чувственный изгиб, даже в полном покое, обещает то, о чем не говорят вслух. Это не холодная отстраненность, а томная, почти хищная расслабленность. Сексуальность здесь не кричащая, а фоновый шум его существования, исходящая от него аура. Она в том, как тень ложится под высокую скулу, в том, как безупречная линия челюсти контрастирует с мягкой волной тёмных волос, ниспадающих на лоб.

Каждый день я проезжаю мимо этого лица, и каждый день оно разное: сегодня оно кажется загадочно-печальным, завтра – надменно-недосягаемым. Эта изюминка, эта многогранность и не дает отвести взгляд. Этот борд – не просто реклама. Это тихий, продолжительный взгляд, который он бросает мне лично из мира глянца и невозможности, и от этого в груди щемит странная, сладкая тоска.

О боже мой.

Дмитрий Тан.

Я наивно думала, что пропавший гость – какой-нибудь актёр второго плана из мильной оперы или певец из провинциального мюзикла. А не настоящая звезда голливудского масштаба с миллионами преданных подписчиков в соцсетях по всему миру. Неудивительно, что

он такой капризный и требовательный. Наверное, устраивал настоящую истерику, пока ему не привезут ровно двенадцать стеклянных бутылок холодного «Боржоми» в гримёрку или целую миску только жёлтых мармеладок, которые ему будут скармливать с рук. Не верится, что такой известный и знаменитый мужчина во всем мире только что касался моей кожи своими руками.

Я украдкой смотрю на свою руку при свете. Едва читаемая размашистая каракуля, пульсирующая в тусклом жёлтом свете коридора, но точно видны крупные буквы Д и З. Я молча показываю на надпись пальцем.

Он любопытно наклоняется, внимательно разглядывая.

– А. Да. Это точно он, его почерк. Где именно?..

Я широко улыбаюсь и выразительно киваю в сторону чёрного хода.

– Снаружи, медитирует философски над мусорными баками. Передайте ему, что Катя передаёт большой привет.

Глава 3

Меня будит настойчивый стук в дверь нашей крошечной квартиры на окраине Москвы. Я издаю жалобный стон в подушку и переворачиваюсь на другой бок, пытаюсь игнорировать звук. Ещё слишком рано для любых человеческих контактов. Да и вообще нет никакой причины вставать в такую рань. Кто бы там ни был, они скоро устанут и уйдут восвояси.

Стук становится ещё громче и настойчивее, и я подпрыгиваю на кровати, когда мои пыльные окна начинают трястись в старых деревянных рамах. О чёрт, это наверняка наш хозяин. Хотя не припомню, чтобы мы пропустили какие-то счета за последнее время, но это вполне возможно. Даже более чем вероятно, учитывая нашу с Ромкой финансовую дисциплину.

Снаружи раздаётся приглушённый злой крик какого-то мужчины, и я быстро натягиваю на себя старые спортивные штаны, мчусь по узкому коридору нашей хрущёвки и распахиваю входную дверь.

На лестничной площадке стоит незнакомый мужчина, молча глядя на меня с порога.

– Эм. Здравствуйте, – неуверенно улыбаюсь я, пытаюсь понять, кто это и чего он хочет. – Чем могу помочь?

Он поднимает очень дорогую профессиональную камеру и без предупреждения фотографирует меня прямо в лицо, щёлкая затвором несколько раз подряд.

Я слишком шокирована происходящим, чтобы сразу отреагировать адекватно, так что просто стою неподвижно, позируя как идеальная модель на подиуме, пока он продолжает щёлкать. Потом до меня доходит, что на мне всего лишь облегающая белая пижамная майка. И, что гораздо хуже, никакого лифчика под ней.

Я с силой захлопываю дверь перед его носом и нервно вожусь с замком, пытаюсь повернуть ключ дрожащими пальцами. Он снова начинает стучать, теперь уже колотит кулаком с удвоенной силой, и я в панике подпираю дверную ручку старым кухонным стулом, а затем бегу в комнату Романа. Когда я проскальзываю внутрь его берлоги, он всё ещё мирно храпит под одеялом. Роман знаменит среди наших общих друзей тем, что однажды умудрился заснуть на концерте скримо-группы в первом ряду, так что я не особо удивлена его способностям спать в любых условиях.

– Ром! – шиплю я в его тёмную пещеру, обставленную мятыми плакатами и коробками с документами.

Никакого ответа не следует.

Я решительно включаю яркий верхний свет, и он резко садится на кровати, дезориентированный. Его каштановые кудри торчат во все стороны, будто его только что ударили током в научной лаборатории.

– Что?.. Зачем ты это сделала? – Он звучит глубоко оскорблённым в своих чувствах. – Я так хорошо спал.

– Там кто-то стучит... – Я присаживаюсь на край его кровати и случайно наступаю босой ногой на смятую кучу какой-то ткани. Всё моё тело инстинктивно сжимается от отвращения. – О боже мой. Я сейчас стою на твоих грязных штанах?

– Они совершенно чистые, – бормочет он, сонно потирая лицо ладонью. – Вот что бывает, когда врываешься в чужую комнату без приглашения и предупреждения. – Его глаза наконец фокусируются на моём встревоженном выражении лица. – Господи, я понял, ты в шоке от того, что увидела мои трусы на полу. Не стоит падать в обморок, это же просто нижнее бельё.

Мои руки нервно сплетаются в замок. Я оглядываюсь на дверь комнаты, прислушиваясь к звукам из прихожей.

– Там какой-то странный мужчина снаружи. На лестничной площадке.

Роман откидывается обратно на измятые подушки, совершенно не впечатлённый моими словами.

– Ну и что он там делает такого? Угрожающе доставляет почту? Тогда беги за ним скорее, может, это мои плакаты для общественного центра наконец привезли.

– Когда я открыла входную дверь, он сразу начал фотографировать меня. С какой-то профессиональной камерой.

Это привлекает его внимание, и он приподнимается на локте.

– Подожди. Он фотографировал тебя? Прямо так, без разрешения?

– Думаю, меня преследуют какие-то люди, – выдыхаю я. – Не знаю, что происходит.

– Зачем вообще кому-то преследовать именно тебя?! – Он выглядит искренне озадаченным.

Ритмичный стук в нашу входную дверь становится ещё громче и агрессивнее, и я инстинктивно хватаюсь рукой за грудь, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце.

Роман неуклюже скатывается с матраса, как морж с льдины, и хватает меня за плечи успокаивающе.

– Хорошо, я сам поговорю с этим типом. Оставайся здесь в комнате, чтобы он больше тебя не увидел и не сфотографировал. – Он решительно шагает по коридору навстречу неизвестной судьбе в одних только боксерах.

Я бегу следом за ним по пятам, хватая его за руку.

– Нет! Не надо открывать!

– Я знаю, ты училась в театральном институте на актрису, но я правда не выдержу столько драмы с самого раннего утра, – говорит он ровным, рассудительным тоном.

– Не открывай дверь! – снова шиплю я, дёргая его за руку. – А если он захочет оглушить тебя топором, чтобы потом забраться внутрь и украсть все наши ценные вещи?

– И что именно он украдёт? Мой сломанный ноутбук, который еле включается, или твои дешёвые китайские наушники за двести рублей? Это не голливудский боевик, Катюш. А теперь отойди в сторону. – Я упрямо качаю головой и стою на месте, вцепившись в его руку. Я не собираюсь позволить своему единственному настоящему другу встретить смерть от рук неизвестного маньяка – вот так просто. Он закатывает глаза до потолка, обхватывает меня обеими руками за талию и буквально оттаскивает в сторону за себя. Я очень маленького роста, так что меня довольно легко передвинуть с места. – Ты вообще понимаешь, что размером примерно с чихуахуа? Я обязательно позову тебя на помощь, если понадобится участие в групповом избиении. А теперь иди отсюда. – Он хлопает в ладоши, как дрессировщик. – Живо, живо, в укрытие.

Я обиженно плетусь в нашу миниатюрную кухню-закуток. Как и весь остальной дом, она находится в ужасном состоянии. На стенах потрескавшаяся старая плитка времён застоя и странные жёлтые пятна на дверцах шкафов непонятного происхождения. Я устала на одно особенно подозрительное пятно, пока наливаю воду в старенький электрический чайник дрожащими руками. Зачем вообще кому-то может понадобиться фотографировать меня? В глубине мозга мелькает какое-то смутное воспоминание о вчерашнем вечере, но его резко прерывает внезапный громкий крик Романа из прихожей:

– ЧТО?! Вы серьёзно?!

Я подпрыгиваю на месте так сильно, что обливаю холодной водой весь наш кухонный стол. Один из рабочих плакатов Ромы размокает на глазах, и я поднимаю его, морщась, пока он превращается в мокрую кашу прямо в моей руке. К счастью для мира дизайна, это всего лишь черновой вариант: простой лист бумаги для принтера с надписью: «Поддержка, Уверенность, Финансирование. Помогите нам построить П.У.Ф. Москву» в самом уродливом шрифте из всех существующих на планете. Под текстом красуется дешёвый клип-арт в виде розового сердечка.

Может быть, даже ничего страшного, что он испортился безвозвратно.

Любимая бабушка Романа умерла пять лет назад от старости, и он неожиданно унаследовал от неё маленькое, но вполне приличное состояние. Несмотря на свою полную занятость на работе диспетчером станции скорой помощи, он не сделал то, что сделал бы на его месте любой нормальный разумный человек, – не ушёл на покой богатым и счастливым; вместо этого он вложил абсолютно все деньги до копейки в создание благотворительного фонда в честь бабушки, чтобы поддерживать людей с различными психическими заболеваниями. П.У.Ф. Другими словами, мой лучший друг – это буквально ангел в человеческом облики. Доброта и сострадание сияют из всех его пор, как какой-то святой божественный свет.

К сожалению, это совершенно не мешает ему жестоко издеваться надо мной при любом удобном случае. Он победно врывается обратно на кухню, пока я судорожно вытираю водяной беспорядок тряпкой.

– Ах ты маленькая лиса! – радостно ликует он на всю квартиру. – Вот это поворот!

– Да? Привет тебе тоже? Тебе вообще что-то от меня нужно? – Я раздражённо машу мокрым скомканным листком у него перед носом. – Между прочим, я только что случайно испортила всю твою гениальную маркетинговую кампанию.

Он небрежно отмахивается от моих слов.

– Кто вообще целуется прямо на улице за своим рабочим местом со звездой кино? О, Катюша, я так невероятно горжусь тобой. Мой единственный ребёнок наконец-то повзрослел и начал жить полной жизнью.

– Ты был просто ужасным отцом все эти годы, – бормочу я, обессиленно падая на скрипучий кухонный стул. Он зловеще скрипит под моим весом. Как и абсолютно всё в этой квартире, он сейчас держится исключительно на скотче, изоленте и отчаянных молитвах. – О чём вообще ты сейчас говоришь, Ромчик?

Он торжественно суёт свой телефон мне прямо в лицо, тыча экраном в нос.

– Почему ты мне ничего не рассказала о вчерашнем вечере?

Я прищуриваюсь на яркий экран, пытаюсь разглядеть изображение. И несколько раз моргаю, прогоняя остатки сна из глаз.

И шурю ещё сильнее, не веря увиденному.

Это чёткая фотография в высоком разрешении, где я, якобы, страстно целую самого Дмитрия Тан. Мои руки лежат на его широкой груди, его сильные руки запутались в моих волосах, наши лица романтично наклонены друг к другу, и мы оба, кажется, жадно хватаем воздух ртами после невероятно страстного поцелуя у грязных мусорных баков за зданием телестудии.

Я была настолько встревожена и напугана преследователем на лестничной площадке, что совершенно забыла о странных событиях вчерашнего вечера. Воспоминания начинают щёлкать в голове одно за другим, как слайды старого диапроектора. Чужие пальцы на моём локте. Тёплое дыхание в распушенных волосах. Очень грубый и высокомерный мужчина в дорогом костюме.

Хотя никаких поцелуев точно не было в реальности.

Ухмылка Романа настолько широкая, что вот-вот разорвёт его лицо надвое.

– Тот парень на лестничной площадке был самым настоящим папарацци, представляешь. Приятно видеть, что ты за все эти годы не забыла, как правильно целоваться с мужчинами. Ну и каково это, Катюш, – наконец-то оказаться в тёплых крепких объятиях настоящего мужчины после стольких лет?

Я медленно качаю головой из стороны в сторону, совершенно ошеломлённая происходящим.

– Я не... это вообще не то, что ты думаешь...

– Дима Тан, Катя! Сам Дима Тан! Чистый греческий бог с обложки журнала Дима Тан! Ты буквально не чувствуешь нежного прикосновения мужчины целых пять лет подряд, а потом раз – и цепляешь самого Диму Тана на первом же свидании?!

– Прекрати постоянно повторять его имя вслух, а то ещё случайно призовёшь, как демона. – Я подношу экран телефона прямо к своему лицу, тщательно изучая каждый пиксель снимка. При более внимательном ближайшем рассмотрении становится очевидно, как именно фотограф-папарацци поймал нас под таким компрометирующим и двусмысленным углом. Половина лица Димы стратегически скрывает моё – на самом деле наши губы даже близко не соприкасаются друг с другом. – Но ведь это совершенно неправда. Мы вообще не целовались никак.

Он презрительно фыркает, настойчиво тыча толстым пальцем в экран.

– А кто же это тогда, по-твоему, на фотографии изображён?

– Очень похоже на какую-то Таинственную Девушку из новостей.

– Да ладно тебе, хватит юлить. Ты хотя бы взяла его личный номер телефона? Небесные хоры ангелов спустились с облаков и радостно запели прямо в твоих ушах? Чем он пах – дорогим парфюмом или морским бризом?

Вот что такое Роман на самом деле – он невероятно НЕ стеснительный человек по натуре.

– Слушай, было просто темно на улице. Мои длинные волосы случайно зацепились за его пуговицу на рубашке, он вежливо нагнулся, чтобы аккуратно распутать. И всё, больше ничего не было. – Я начинаю нервно прокручивать страницу вниз, чтобы внимательно прочитать всю статью целиком.

Несмотря на запланированное живое выступление в скандальном вечернем ток-шоу «Ночной Разговор» вчера вечером, знаменитый актёр Дмитрий Тан решил провести своё драгоценное время совершенно иначе. Известный мировой звёздный актёр устроил настоящую публичную сцену, когда страстно поцеловал молодую сотрудницу телевизионной студии прямо на улице за Останкинской телебашней, на виду у случайных папарацци. Как известно широкой публике, Дмитрий Тан сейчас официально встречается с коллегой-актрисой Жанной Астраль.

Источник, близкий к самой Жанне, эмоционально утверждает: «Жанна сейчас просто в полном отчаянии и не знает, что делать. Она давно привыкла к толпам отчаянных женщин, которые постоянно вешаются на Диму где попало, но всегда искренне доверяла ему в вопросах верности. То, что он так публично и демонстративно унизил её перед всей страной, – это настоящий жестокий удар. Самое обидное, что он до сих пор не извинился перед ней и даже не связался ни разу».

Личность загадочной молодой сотрудницы пока остаётся тайной для общественности.

Роман резко хватает мою левую руку и подносит к своим глазам.

– Погоди-ка. Он что, расписался прямо на твоей руке автографом? – Его голос взлетает так высоко в ультразвук, что его сейчас слышат даже летучие мыши в соседнем дворе.

Я с ужасом смотрю вниз на чёрные буквы перманентного маркера, навсегда татуирующие мою бледную кожу.

– Рома, хватит уже, пожалуйста. Мне всё это совершенно не нравится. Я действительно не целовалась с ним никак. Вообще не понимаю, что вообще происходит вокруг. – Сердце бешено колотится в груди. Это так несправедливо по отношению ко мне. Кто-то злонамеренно выдумал эту дикую историю про меня, и у меня нет абсолютно никакого способа публично ответить или защититься.

– Погоди секунду. – Он внимательно всматривается в моё лицо, изучая выражение. – Ты сейчас серьёзно говоришь?

Я молча киваю, продолжая прокручивать статью вниз к другим снимкам, где мы с Димой просто разговариваем на улице. Мы оба смотрим друг на друга очень, очень пристально и внимательно. Я-то знаю, что это только потому, что мы оба слепые как кроты без очков и линз, но, наверное, со стороны это действительно может выглядеть как влюблённые томные взгляды. Если ты, конечно, полный идиот без мозгов.

Телефон Романа внезапно вибрирует в моей руке. Он быстро хватается его обратно и проверяет всплывшее уведомление на экране.

– О чёрт возьми. У меня через час важная встреча с крупным благотворителем фонда. Ты как, справишься тут одна без меня? Можешь пойти со мной на встречу, если пообещаешь быть тихой и максимально невидимой. Используй свои профессиональные актёрские навыки, чтобы мастерски притвориться офисным шкафом для документов или ещё чем-нибудь в этом роде.

Я обессиленно плюхаюсь на наш продавленный диван и сворачиваюсь на нём калачиком, обхватив колени руками.

– Я буду в полном порядке. Не переживай за меня.

Он бросает на меня долгий пронизательный взгляд поверх телефона.

– Точно?

– Абсолютно точно. Если вдруг придёт ещё кто-то подозрительный, я просто задерну все шторы в квартире, надену свои шумоподавляющие наушники и буду притворяться, что нахожусь в безопасном бункере глубоко под землёй.

– Твой самый классический проверенный приём выживания. – Роман по-братски наклоняется и быстро, но крепко обнимает меня за плечи. – Не волнуйся особо. Мы всё вместе разберём, когда я вернусь с встречи, хорошо? Торжественно обещаю тебе.

Я слегка отталкиваю его от себя.

– Иди уже, давай. Спасай этот несовершенный мир, ты отвратительный добрый самаритянин.

Он стремительно мчится в душ и вылетает за входную дверь ровно через две минуты, ещё на ходу натягивая куртку. Оставшись в одиночестве, я открываю свой старый ноутбук на диване. Скандальная история буквально везде и всюду. Абсолютно везде без исключения. ВКонтакте, Телеграм, Рутуб, даже в Одноклассниках. Видимо, в своём праведном женском горе Жанна каким-то образом успела связаться с сотнями разных новостных изданий и сайтов за последние каких-то девять часов, что, честно говоря, довольно впечатляюще с точки зрения скорости. Кроме того самого одного папарацци на лестничной площадке, больше никто пока не сумел понять, что загадочная девушка на фото – это именно я, – но, наверное, это лишь вопрос короткого времени. Я начинаю методично просматривать бесконечные комментарии под новостью:

Не могу поверить своим глазам.

я всегда искренне думал, что он один из хороших честных парней :(

Кто вообще эта наглая сука?! Кто целуется с чужим мужчиной на публике???

Я от нервного стресса дёргаю себя за волосы и перехожу на страницу Дмитрия Тана на Кинопоиске. Я не особо являюсь его преданной фанаткой, но узнаю несколько громких названий из его фильмографии. Он в основном снимается в дорогих экшен-боевиках с большим бюджетом. Его студия «Союз» штампует как минимум пять совершенно одинаковых шаблонных блокбастеров в год, переполненных бесчувственными красавцами-качками и громкими взрывами на каждом шагу. Это совершенно не моё кино по духу; я сама предпочитаю романтические исторические костюмные драмы. Мне очень нравится смотреть на благородных мужчин в высоких цилиндрах, галантно помогающих женщинам в пышных платьях садиться в старинные кареты. Роскошные балльные залы, переполненные сексуальным напряжением до предела. Мистер Дарси, медленно вылезавший мокрым и соблазнительным из прохладного озера.

Я продолжаю прокручивать вниз до информационного раздела с интересными фактами внизу длинной страницы. Оказывается, его родная киностудия публично короновала Диму почётным титулом «Самого Большого Дивы» ровно четыре года назад, когда он демонстративно пять раз подряд уходил со съёмочной площадки во время напряжённых съёмок очередного фильма. Сейчас он активно снимается в популярной супергеройской франшизе с мно-

гомиллионными бюджетами. Его супергеройское кодовое имя – гордый Страж, и его самый последний дорогой фильм под названием «Дорога в двести лет» выходит в широкий прокат уже в этом месяце. Заинтригованная новой информацией, я открываю официальный видеотрейлер, и у меня мгновенно пересыхает во рту от увиденного.

Это откровенная сцена Дмитрия Тана в душе. Горячая вода брызжет по его точёному лицу и медленно стекает по рельефной обнажённой груди, чувственно облизывая твёрдые чёткие линии натренированных мышц. Прозрачные капли воды блестят на сильных руках и выступающих ключицах. Стекло стенок душевой кабины приятно мягкие от густого пара. Пока я зачарованно смотрю на экран, он плавно выключает воду и уверенно выходит наружу, небрежно оборачиваясь белым махровым полотенцем вокруг узких бёдер. Профессиональный угол съёмки держит всё деликатное аккуратно в рамках приличного PG-рейтинга. Он спокойно открывает дверь ванной комнаты, чтобы неожиданно увидеть перед собой опасного мужчину в чёрной одежде с чулком на голове, уверенно целящегося в него из настоящего пистолета.

Дима медленно поднимает одну идеальную бровь, оставаясь совершенно спокойным.

– Это не очень вежливо с вашей стороны. Можете хотя бы любезно подождать снаружи, пока я спокойно оденусь?

Мужчина в чулке бросается на него, и Дима хватая его за руку, одним резким движением вырывает пистолет и плавно валит противника на кафельный пол. Начинается короткая борьба, где камера почему-то фокусируется в основном на мокрых, бугрящихся бицепсах главного героя. Затем раздаётся выстрел. Дима неторопливо встаёт, поправляя сползающее полотенце на бёдрах.

– Я даже не позавтракал толком, – недовольно бормочет он, небрежно перешагивая через распростёртое на полу тело.

«ГОРОДСКОЙ ОХОТНИК»: СКОРО В КИНОТЕАТРАХ – мелькает на экране крупными буквами.

Я прищуриваюсь, разглядывая финальные титры.

Довольно глупый тизер, хотя справедливости ради трудно судить об актёрской игре Димы, поскольку камера весь ролик фокусировалась исключительно на его прессе. Насколько я могу понять из увиденного, суперсила Стража – это просто быть очень мускулистым. И голым. И мокрым. Весьма специфическая суперспособность, надо признать.

Я решаю, что определённо нужно провести более глубокое исследование вопроса. Только загружаю новый сайт с материалами о фильме, как вдруг звонит телефон.

Во мне мгновенно звенит тревога. Если фотограф смог вычислить мой домашний адрес, он точно мог найти и номер телефона. Я беру трубку с такой осторожностью, словно это ядерный детонатор.

– Алло? – осторожно рискую я.

– Екатерина? – раздаётся глубокий мужской голос с чётким московским акцентом. – Мы кратко встретились вчера вечером. Меня зовут Константин, я PR-представитель Дмитрия Тана.

Внутри меня всё холодеет.

– Как вы раздобыли мой номер? – выдавливаю я.

Он имеет совесть звучать слегка смущённо.

– Я связался с вашей студией. Они без лишних вопросов дали все ваши контактные данные. – Пауза. – Предполагаю, вы уже видели утренние новости?

– А, да. Видела.

– Отлично. Тогда есть кое-что важное, что я хотел бы обсудить с вами лично.

– Если вы хотите подать на меня в суд, сразу предупреждаю – у меня нет денег. Вообще никаких. – Я неловко кашляю. – К тому же, эм, я вообще-то не уверена, что сделала что-то противозаконное? – Глупо, конечно, может быть, но это обычно не карается законом.

– Успокойтесь, мы не собираемся судиться с вами, Екатерина. Совсем наоборот, честное слово. Считайте это скорее... деловым предложением.

Что может быть противоположностью суду? Получить деньги вместо того, чтобы их отдать?

– Хо-рошо? – настороженно тяну я. – И что именно вы предлагаете?

– Это немного деликатная тема. Думаю, мне лучше объяснить всё при личной встрече. – Он делает паузу. – Знаете ресторан «Нектар»? На Старом Арбате?

– Да, знаю.

– Прекрасно. Встретимся там ровно в полдень, пожалуйста. Мы с Димой всё подробно объясним.

Глава 4

Я замерла перед массивными золотыми дверями «Нектара». Из зеркального стекла на меня пялилось собственное отражение – и вид у него был, честно скажем, жалкий. Водянистые глаза, испуганное лицо. Я выглядела слишком мелкой и точно недостаточно шикарной для того, чтобы заходить внутрь и уж тем более о чём-то разговаривать со знаменитостью мирового масштаба.

На голове вместо причёски – светлый вихрь спутанных волос до поясницы. Сарафан с вишенками, который я героически выудила из кучи «условно чистого» белья, безнадёжно помялся. На моей светлой коже он смотрелся бы мило, если бы не липкий пот – в Москве сегодня стояло сущее пекло. В довершение образа – чересчур яркая помада и предательское пятно от ручки на запястье. Сколько я ни шоркала его в душе, чернила въелись намертво. Будто меня заклеили прямо на входе в эту элитную жизнь.

Короче, я выглядела как ходячее недоразумение.

Внезапно дверь дёрнулась. Из недр ресторана показался метрдотель.

– Это не автоматическая дверь, девушка, – проговорил он с такой вежливой снисходительностью, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Ой, я знаю, я просто...

Он многозначительно приподнял бровь. Я шмыгнула в прохладную тишину зала, мгновенно почувствовав себя бедным родственником на балу. Передо мной стоял мужчина в смокинге. В полдень! В этом месте даже у официантов лоска было больше, чем у меня за всю жизнь.

Его взгляд быстро скользнул по моему помятому наряду. Видимо, к такой растрёпанной клиентуре здесь не привыкли.

– Ах... У вас забронировано?

– Э-э... – я слотнула нервный ком в горле. – Я пришла к Дмитрию Тану.

Боже, как глупо это прозвучало. С тем же успехом я могла бы войти в Кремль и попросить аудиенции у Чебурашки. Однако мужчина лишь невозмутимо кивнул, сверяясь со списком.

– Екатерина Иванова, верно?

Я кивнула. Метрдотель слегка поклонился, щёлкнув каблуками, и жестом пригласил следовать за ним: – Прошу, я провожу вас к его столику.

Мы шли через полумрак зала. Вокруг царил атмосфера «тяжёлого люкса»: столы из красного дерева, обои цвета изумруда и сапфира. Люди над крошечными тарелками перешёптывались так тихо, будто обсуждали государственную тайну. Тонко звякнул хрусталь.

Сердце колотилось где-то в районе горла. Вообще-то я не очень люблю этот район Москвы. Не то чтобы я была такой уж звездой, которую узнают на каждом углу, но многие бывшие коллеги по сцене до сих пор работают в театрах неподалёку. И встретиться с ними сейчас мне хотелось примерно так же сильно, как врезаться лбом в зерноуборочный комбайн.

Меня привели к угловому столику, спрятанному в тени. Идеальное место для заговоров или сомнительных сделок. Я уже собралась сделать шаг, когда из-за стола поднялся седой мужчина. Я его раньше не видела, но выглядел он эпично: бледный, в старомодном костюме – чистый вампир из кино.

– Посмотрим, – бросил он кому-то, сидящему в глубине кабинки. – Оптимизма я не испытываю.

Развернувшись, он наткнулся на меня.

– О. Вы и есть Екатерина?

– Ну... да?

– Хм.

Он бесцеремонно окинул меня взглядом с головы до ног.

– Выглядит невинно. Народ может на это клюнуть.

Я сдержалась, чтобы не скривиться. Вечно одно и то же: «невинная крошка Катя», «сладкая Катенька». Друзья при мне стесняются ругаться, хотя мне, на минуточку, двадцать пять! Просто при росте в метр шестьдесят трудно выглядеть солидно. В прошлом месяце у меня даже паспорт спросили, когда я Роме за энергетиком бегала. Детское лицо, круглые щёки и огромные глаза – я же вылитый детёныш мартышки в сарафане.

– Вы кажетесь мне знакомой, – прищурился мужчина. – Я вас где-то видел?

– Вряд ли, – соврала я, с трудом сглотнув слюну.

– Мог бы поклясться... Ну да ладно. У вас впереди много работы. Я не согласую Тана ни в один проект, пока он не докажет, что взял себя в руки. Снимать его сейчас – это всё равно что спустить бюджет в унитаз.

Я вежливо захлопала ресницами: – Простите, вы о чём?

Вампир взял бокал, осушил его одним глотком и картинно промокнул красные губы салфеткой.

– Меня трудно убедить, Екатерина. А публику – ещё труднее. Удачи.

С этой зловещей фразой он удалился, оставив меня наедине с обитателем тени. А за столиком сидел Дмитрий Тан.

Странное это было чувство – видеть его в 3D. Обычно такие люди кажутся плоскими персонажами из пикселей на экране. Но он был более чем реален. Огромный и, чёрт возьми, самый горячий мужчина из всех, кого я видела в своей жизни.

Мой мозг судорожно пытался сопоставить вчерашние фото с этим живым воплощением мужской эстетики. Передо мной сидел человек с внешностью, от которой у фанаток случается массовый обморок. Высокие, безупречно очерченные скулы и прямой нос, будто выточенный из фарфора. Его волосы, которые на снимках казались просто тёмными, в мягком свете ламп отливали глубоким шоколадом. Он выглядел слишком изящным и одновременно величественным для этой кабинки – как наследный принц, которого по ошибке занесло в обычный московский ресторан.

Дима резко дёрнулся, и наши глаза встретились. У него были невероятные миндалевидные глаза – глубокие, чуть влажные и обрамлённые густыми ресницами. Его взгляд был таким пронзительным и тяжёлым, что мог бы плавить металл. Или меня.

– О, отлично, вы нашли друг друга! – раздался бодрый голос.

Я вздрогнула и обернулась. Это был вчерашний пиарщик в шикарном костюме цвета жжёного апельсина. В руках он держал пухлый конверт и бокал вина.

– Спасибо, что пришли, Екатерина. Я заказал вам напиток, надеюсь, угадал.

Мои мысли наконец-то начали выстраиваться в логическую цепочку.

– Спасибо... Константин, кажется?

Я почти упала в кресло. Бокал белого вина скользнул по скатерти в мою сторону. У меня возникло дикое желание выпить его залпом, как микстуру от стресса.

– Зовите меня просто Костя, – улыбнулся он, раскладывая бумаги. – Как вы?

– Нормально, – выдавила я, косясь на Диму.

Тот не сводил глаз с моего запястья, где красовалось его имя, написанное ручкой. От его тяжёлого взгляда кожа под сарафаном начала чесаться.

– Хорошо, – Костя постучал по стопке документов. – Думаю, пора переходить к делу.

– Пожалуйста, – выдохнула я, почти умоляя.

Костя прочистил горло: – Вы видели новости. Скандал случился в самый неподходящий момент. Контракт Димы со студией «Союз» истекает через пару недель. Сейчас идёт промокампания его последнего боевика «Дорога в двести лет».

– Значит, с супергероями покончено? – я рискнула обратиться напрямую к Диме.

Дмитрий проигнорировал мой вопрос, задумчиво разглядывая свой виски. За него ответил Костя: – Именно. Дима хочет перейти в «высшую лигу», к сложным, глубоким ролям. Вы знаете Алексея Мансура?

– Режиссёра? – я оживилась. – Конечно. Он снимает эти безумно красивые и непонятные фильмы, концовки которых мне приходится гуглить. Да, он крутой. А что с ним?

Костя указал ручкой на дверь, в которую только что вышел «вампир»: – Вы только что с ним познакомились.

У меня отвисла челюсть.

– Тот страшный дядя?

– Он самый. Дима давно мечтал у него сниматься, но мешал эксклюзивный контракт с «Союзом». Сейчас Мансур запускает новый проект – ультрасовременную адаптацию «Ромео и Джульетты», действие которой перенесено в эстетику неонового мегаполиса, где сталкиваются не просто семьи, а разные культурные пласты. Мансур с самого начала видел в этой роли только Диму. И дело не только в его таланте, а в уникальной внешности. У Димы есть та самая редкая «восточная искра» – легкие корейские черты, которые сейчас на пике мировых трендов.

– Они опять переснимают Шекспира? – пробормотала я, чувствуя, как по спине поползла холодная капля пота.

– Да. И Мансур выкинет Диму из каста, если тот не восстановит репутацию.

Я снова повернулась к Дмитрию: – Но вы же сказали, что расстались с той девушкой?

Дима молча покрутил стакан, даже не взглянув на меня.

Костя снова взял огонь на себя: – Расстались. Но официально об этом не заявляли. А у Жанны нет доказательств обратного. Сейчас всё решает общественное мнение.

– Ладно, допустим.

– Мы не можем стереть прошлое, но можем переписать настоящее. Публика обожает красивые истории любви. Если люди увидят, что Дима состоит в милых, искренних отношениях, они сменят гнев на милость. Им захочется видеть в нём романтического героя, а не дебошира. По крайней мере, таков план.

Я медленно кивнула, пытаюсь осознать масштаб катастрофы.

– Понятно... Но я всё равно не понимаю, зачем вы мне это всё рассказываете?

Тут Дима наконец соизволил подать голос.

– Как можно быть такой тормозной? – огрызнулся он.

Я опешила от такой наглости.

– Что, простите?

– Дима, полегче, – вздохнул Костя.

Дмитрий Тан раздражённо поправил манжету дорогой рубашки.

– По-моему, предельно ясно, чего мы от вас хотим.

– Было бы ещё яснее, если бы вы, ну, не знаю... из вежливо попросили? – резонно заметила я.

Костя выпрямился и пододвинул ко мне чёрную папку.

– Вот ваш экземпляр контракта. Мы нанимаем вас на роль его девушки. Кастинг у Мансура через семь недель, так что нам нужны вы на ближайшие два месяца. Первая совместная «вылазка» – завтра утром в его отеле. Екатерина?..

Я вскочила так резко, что запуталась в ножках стула. Едва не растянувшись на глазах у всего ресторана, я вцепилась в край стола липкими от волнения руками.

– Мне нужно идти. Срочно.

– Что? – Константин выглядит искренне удивлённым, словно я должна сию секунду упасть перед ним на колени и слёзно умолять о невероятной привилегии переспать с его драгоценным клиентом. Он даже слегка наклоняется ко мне, изучая моё лицо с преувеличенной заботой. – Вы в порядке? Может, воды принести? Или что-нибудь покрепче?

Я медленно поворачиваюсь к Диме, и тошнота противной волной подкатывает к горлу. Не могу понять, что сильнее – злость или страх. А может, просто шок от полной абсурдности происходящего.

– Вы в курсе, что существуют профессионалки, которые с огромной радостью займутся с вами сексом за деньги? – выдаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Это как-то совсем неэтично – просто подкупать случайных бедняков с улицы. Вообще-то, даже мерзко, если честно.

Дима просто смотрит на меня абсолютно бесстрастно, лениво постукивая пальцами по краю своего стакана. Похоже, моя маленькая тирада его ничуть не задела. На лице Константина постепенно проступает понимание ситуации.

– Екатерина, пожалуйста, присядьте обратно, это совсем не то, что вы подумали, – он примирительно жестикулирует в сторону моего стула. – Никто здесь не ожидает и даже не хочет, чтобы вы переспали с Димой. Более того, я настоятельно рекомендую этого не делать. Серьёзно, я слышал только самые ужасные отзывы.

Я делаю глубокий вдох, нервно откидывая волосы назад и пытаюсь успокоиться. Звуки ресторана – звон бокалов, приглушённые разговоры, мягкая музыка – снова врываются в мои уши после нескольких секунд полной тишины.

– Тогда что? – выдавливаю я, скрестив руки на груди. – В чём вообще суть?

– Всё будет просто игрой, понимаете? Представьте себе, что это роль в каком-нибудь спектакле или сериале, – Константин складывает руки на столе, принимая деловой вид. – Мы хотим, чтобы вы притворялись его девушкой на публике. Всего-то два месяца. Восемь недель, если точнее.

– Ну да, это же крайне нормально! – выпаливаю я с нескрываемой издёвкой.

Константин мягко похлопывает по спинке моего стула, и я неохотно опускаюсь обратно на сиденье, всё ещё настороже.

– Я взял на себя смелость немного поискать информацию о вас в интернете, – признаётся он без тени смущения. – Вы учились в институте театрального искусства, верно? Уверен, вам вполне комфортно играть разные роли. У вас даже образование подходящее.

Холодный ужас скручивает желудок в тугой узел. Он меня выследил. Копался в моей жизни, как настоящий сыщик. Я пытаюсь максимально незаметно поискать взглядом ближайший выход, прикидывая, сколько метров до двери и насколько быстро я могу бежать в этих туфлях.

– Я не актриса, – отрезаю я. – Совсем не актриса.

– Всё равно это отличная возможность для вас, – настаивает он. – Шанс, который выпадает не каждый день.

– Возможность для чего? – уточняю я с нескрываемым подозрением. – Сдать свои органы на чёрном рынке? Или меня сразу целиком продадут?

Константин на мгновение запинается, явно не ожидая такого поворота мысли.

– Ну... вы же работаете за кулисами на телешоу. Наверняка мечтаете о настоящей карьере в медиаиндустрии. Разве не поэтому большинство людей вообще берётся за такие начальные должности? Ради перспектив и связей?

– Не я, – честно говорю ему, пожимая плечами. – Я просто страстно увлечена завариванием чая и кофе для людей с завышенным самомнением. Думаю, это моё истинное призвание в жизни. Наконец-то нашла себя. – Я хватаю бокал вина и делаю большой глоток. Дорогое вино обжигает пищевод, как чистый бензин. – Извините, но это просто чересчур странная просьба. Даже для Москвы странная.

– Мы прекрасно понимаем, что это звучит нестандартно, – успокаивающе кивает Константин, – но поверьте, это довольно распространённая практика в индустрии развлечений. Почти обыденность. – Он аккуратно тянется к моему досье, переворачивая папку. – Можно я

просто проведу вас по основным документам? Это даст гораздо лучшее представление о том, что мы на самом деле просим. Обещаю, всё абсолютно легально и прозрачно. – Он методично перелистывает несколько страниц. Успокаивает хоть то, что они не написаны кровью на человеческой коже. – Вот, смотрите. У нас тут основной контракт, стандартные формы согласия для нашего личного фотографа, соглашение о неразглашении информации...

Моя голова резко поднимается, и я прерываю его перечисление.

– Соглашение о неразглашении?

– Да, стандартное соглашение, – спокойно объясняет он. – Соглашение о неразглашении. Оно помогает держать конфиденциальную информацию в строгом секрете. Защищает все стороны от утечек.

Я прекрасно знаю, что такое чёртово соглашение о неразглашении. На моей старой работе мы просто называли их приказами о молчании и подписывали целыми пачками.

– Какая именно конфиденциальная информация? – спрашиваю я максимально подозрительно, прищуриваясь.

– Ну, конечно же, весь этот... – он явно пытается подобрать более изящное слово для «обширной наглой лжи», – ...этот маскарад будет абсолютно бесполезен, если хоть кто-нибудь узнает правду. Вы не сможете никому рассказать о нашей договорённости. Вообще никому и никогда.

– То есть никому? Совсем-совсем никому?

– Да, именно так. Очень важно, чтобы всё осталось в строжайшей тайне, – он перелистывает ещё одну страницу, деликатно прочищая горло. – Естественно, вы будете весьма щедро компенсированы за своё время и усилия, поскольку вам всё-таки придётся уйти с текущей работы. Мы готовы платить триста семьдесят пять тысяч рублей в неделю. Это ровно три миллиона за все восемь недель, – добавляет он услужливо, словно помогая мне с математикой. – Плюс солидный бонус в пятьсот тысяч, если вы честно продержитесь до самого конца контракта. И, разумеется, мы полностью покроем все расходы на гардероб, проживание и поездки. Естественно.

– Что? – У меня в ушах начинает противно звенеть. – Простите, я не расслышала?

Дима театрально закатывает глаза и поворачивается к Константину.

– Вот теперь она наконец заинтересовалась, – бормочет он едко. – Как же предсказуемо.

Словно это что-то плохое – проявлять интерес к целым трем с половиной миллионам рублей. Должно быть, невероятно приятно быть настолько богатым, что ты искренне забываешь: обычные люди нуждаются в деньгах просто чтобы выживать, а не покупать очередную яхту.

Константин уже собирается что-то ответить, но его телефон внезапно ярко загорается и начинает вибрировать по всему столу, создавая раздражающий шум. Он быстро бросает взгляд на экран и моментально встаёт.

– Мне срочно нужно ответить на этот звонок. Это из «Союза», – он виноватым жестом показывает на телефон. – Буквально секунду, обещаю.

Выходя из нашей кабинки, он напоследок сильно, но по-дружески хлопает Диму по затылку. Тот даже не вздрагивает.

Мы оба сидим в неловкой тишине, когда Константин уходит к выходу. Я бессмысленно уставилась на контракт, лежащий передо мной на столе. Я даже не читаю его на самом деле – я временно полностью забыла, как вообще читать по слогам. Просто абсолютно отрешённо смотрю на напечатанные буквы, пытаюсь осознать их реальность.

Триста семьдесят пять тысяч рублей в неделю. Это больше чем в два с половиной раза превышает всё то, что я с трудом заработала за последние шесть месяцев вместе взятые. Что я вообще могла бы сделать с такими деньгами? Я могла бы наконец оплатить все наши про-

сроченные счета за коммуналку. Существенно помочь удержать на плаву благотворительную организацию Романа, которая еле дышит и вот-вот закроется.

Я так сильно привыкла постоянно чувствовать, что задыхаюсь каждый раз, когда очередную квитанцию на оплату просовывают в наш побитый почтовый ящик. Жить на минимальную зарплату в Москве – это вообще не шутка, а самое настоящее выживание. Это страшно, это постоянный въедливый страх, который медленно грызёт тебя изнутри, не оставляя в покое ни днём, ни ночью. Иногда мне серьёзно кажется, что эта хроническая тревога просто медленно убивает меня по кусочкам.

Дима резко ставит свой стакан на стол и неторопливо скрещивает руки на груди, привлекая моё внимание.

– Просто чтобы вы точно знали, – говорит он тихо, но очень отчётливо, – если вы ещё хоть раз попытаетесь сделать что-то подобное, я подам на вас в суд. И выиграю, не сомневайтесь.

Я медленно моргаю, переводя на него удивлённый взгляд.

– Простите? – переспрашиваю я осторожно. – Что именно подобное?

– Наводить на меня папарацци, – поясняет он, как будто это совершенно очевидно.

Мой рот сам собой открывается от чистого возмущения.

– Простите?!

Он скептически приподнимает одну бровь.

– Вы правда серьёзно ожидаете, что я поверю в то, что целая группа профессиональных фотографов совершенно случайно пряталась за кучей вонючих мусорных баков, терпеливо ожидая именно меня на тот редкий случай, если я вдруг захочу завести романтическую интрижку прямо за вашей студией? Серьёзно?

Я просто ошеломлена таким невероятным нахальством.

– Но... как я вообще могла работать с папарацци, если вы были там гораздо раньше меня? – я даже слегка привстаю со стула. – Это же совершенно не имеет никакого логического смысла!

– Тогда как иначе они так быстро меня нашли в совершенно тёмном переулке? – парирует он.

– Понятия не имею! – почти кричу я. – Я просто хотела немного свежего воздуха и подышать нормально. Я даже не знала, кто вы вообще такой!

Его глаза становятся холодными, как арктический лёд. Они буквально замораживают меня изнутри своим презрением.

– Все, абсолютно все знают, кто я такой, – заявляет он с абсолютной непоколебимой уверенностью.

Я просто разеваю рот, не находя подходящих слов для ответа на такую самовлюблённость.

Он многозначительно кивает на мою правую руку.

– Вы даже не удосужились смыть мой автограф. Что, вы вообще не мылись сегодня утром? Это отвратительно и совершенно негигиенично.

– Вы использовали перманентный маркер прямо на моей живой человеческой коже, чёрт возьми! – возмущаюсь я. – Я, наверное, сейчас медленно умираю от острого отравления токсичными чернилами! Спасибо вам огромное!

– Я просто хочу, чтобы вы чётко понимали, что это вообще не какая-то награда для вас, – он окидывает меня откровенно презрительным взглядом с головы до ног. – Поверьте мне на слово. Если бы у нас действительно был нормальный выбор, вы были бы самой последней кандидатурой, которую я бы выбрал. Вообще самой последней.

– ДИМА!

Мы оба одновременно резко поднимаем глаза и видим вернувшегося Константина, грозно нависающего над нами. Он делает показательно успокаивающий глубокий вдох, медленно садясь обратно на своё место.

– Я прекрасно знаю, что тебе крайне трудно даётся нормальное человеческое общение, – говорит он Диме назидательным тоном. – Но позволь мне кое-что объяснить на простом примере. Когда ты вежливо просишь кого-то сделать что-то важное для тебя, обычно это очень плохая идея – одновременно оскорблять этого человека. Запомни это простое правило.

Дима демонстративно откидывается в мягкой кабинке, устраиваясь с видом всемогущего короля на золотом троне.

– Я вообще не прошу её делать что-либо конкретно для меня, – заявляет он высокомерно. – Я великодушно предлагаю ей просто смехотворную сумму денег за каких-то два несчастных месяца полностью оплачиваемых публичных свиданий со знаменитостью моего уровня. Она получит всю прессу, внимание СМИ и популярность, которую только захочет. Это же настоящая мечта для простой девушки.

Я резко встаю, роюсь в сумке, достаю мятую купюру и демонстративно бросаю её на стол за свой напиток.

– Нет, большое спасибо, – отчеканиваю я. – Как-нибудь проживу без этого сомнительного счастья.

– Что?! – Константин тоже быстро встаёт, хватая меня за руку. – Екатерина, пожалуйста, подождите хоть секунду...

Я уже начинаю решительно пробираться обратно через тесные столики к выходу, упрямо опустив голову. Раздаётся какое-то возмущённое бормотание и грохот отодвигаемого стула, и внезапно Константин уже рядом со мной, настойчиво запикивая объёмное досье мне прямо в руки.

– Вот, возьмите контракт и мой личный номер телефона, – говорит он почти умоляюще. – Просто спокойно подумайте дома и обязательно позвоните мне чуть позже. Желательно до полуночи, пожалуйста. Очень прошу.

Я отчаянно пытаюсь вернуть документы обратно ему в руки, но он категорически не берёт их. В итоге я просто с силой прижимаю толстую папку к его широкой груди.

– Извините, но я совершенно точно не хочу, – твёрдо говорю я. – И я определённно не передумаю. Вообще никогда в жизни.

Он ловко перемещается, чтобы загородить мне прямой путь к выходу.

– Послушайте меня внимательно, – он заговорщически понижает голос до шёпота. – Мне правда очень жаль за ужасное поведение Димы.

– У него что, какой-то затяжной нарциссический приступ? – интересуюсь я искренне. – Или он всегда такой невыносимый?

Константин виновато морщится.

– Обычно он не такой плохой, честное слово. Он просто совершенно не думает, что это хорошая идея. Он активно пытается вас отпугнуть любыми способами.

– Ну что ж. У него это отлично получилось, – констатирую я.

– Он подозрительный ублюдок в целом, это правда, но женщина, которая клятвенно утверждала, что любит его последние три долгих года, только что жестоко попыталась окончательно разрушить его карьеру, – Константин вздыхает. – Он немного... ранен сейчас.

Мне не особо жалко. Меня только что беспощадно бросили в российские и международные СМИ как самую распутную разрушительницу чужих семей со времён легендарной Елены Троянской. Но я же не веду себя как полная стерва со всеми подряд.

Мне всё же искренне жаль Константина, так что я пытаюсь хоть немного смягчить удар.

– Послушайте. Я совершенно точно не тот человек, которого вы так упорно ищете, в любом случае, – объясняю я терпеливо. – Я категорически не люблю толпы, крики или, когда на

меня пристально смотрят чужие люди. Я вообще не материал для знаменитости, я невероятно скучная. Я едва-едва выхожу из дома, кроме как на работу, магазин или иногда в соседний бар.

Константин мягко, почти отечески улыбается.

– Знаете, звучит так, будто такой серьёзный вызов пойдёт вам только на пользу. Удивительно, к чему люди могут постепенно привыкнуть.

Я решительно качаю головой, ловко проскальзывая мимо него.

– До свидания, Константин. Спасибо за... возможность, наверное, – говорю я на ходу. – Вам, эээ – может, стоит серьёзно поработать над практиками найма персонала. Они какие-то уж очень странные. – Я уверенно толкаю тяжёлую стеклянную дверь.

– Екатерина? – зовёт он мне вслед.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

– Ему сейчас действительно очень нужен настоящий друг.

Что-то глубоко внутри меня отзывается на эти слова, потому что я, видимо, полная безнадёжная идиотка. Я медленно смотрю через его плечо. Дима всё ещё стоит у нашего стола, он видимо поднялся, чтобы внимательно смотреть на нас. Когда наши глаза внезапно встречаются, он бросает на меня взгляд такой глубокой, почти жгучей ненависти, что я думаю, что могу умереть прямо здесь и сейчас на самом деле.

Я идиотка, но точно не святая мученица, чёрт возьми. Я даю Константину извиняющуюся виноватую улыбку и решительно закрываю тяжёлую дверь за собой.

Глава 5

– Ты должна это сделать, – говорит Рома, швырнув бутылку виски на кухонный стол с таким видом, будто это последний аргумент в нашем споре.

Я поднимаю взгляд от ноутбука, где застыла на самом интересном моменте в серии «Королевы и фавориты». Я, конечно, знаю, что Роман сейчас под большим стрессом из-за благотворительности, но даже не подозревала, что он окончательно потерял рассудок.

– Рома. Ты не можешь говорить это всерьёз, – медленно произношу я, откладывая ноутбук в сторону. – Меня, наверное, похитят и порежут на мелкие кусочки, чтобы скормить его породистым борзым. Или ещё чего похуже.

Он методично складывает две стопки квитанций на оплату, откупоривает бутылку и наливает себе ещё одну внушительную порцию виски в стакан.

– Я не вижу, почему он выбрал бы именно тебя для этого, – задумчиво говорит Рома, разглядывая стакан на свет. – Ты слишком мелкая. Едва накормишь одну-единственную борзую. Может, щенка.

– Я должна верить им, что он не сделает меня своей живой личной секс-рабыней? – возмущённо фыркаю я. – Потому что звучит так, будто он хочет нанять эскортницу. Причём очень конкретную.

Он морщится, как от зубной боли.

– Не вижу, почему он выбрал бы тебя и для этого. Без обид, конечно.

Я решительно нажимаю пробел, чтобы поставить сериал на паузу. Хватит отвлекаться на красивого графа, когда Рома явно сошёл с ума.

– Позволь мне уточнить все детали этого безумия, – говорю я, загибая пальцы. – Незнакомый мужчина хочет, чтобы я каждый божий день садилась в его машину и ехала в его гостиничный номер, где мы будем целоваться, трогать друг друга и не заниматься любовью. И ты всерьёз думаешь, что это полностью надёжно и безопасно?

– А почему нет? – искренне недоумевает он.

У мужчин что, вообще нет инстинктов самосохранения? Или хотя бы здравого смысла?

– Я вообще не вижу, зачем мы это обсуждаем! – раздражённо бросаю я. – Мне не нужна работа. У меня уже есть работа. Вполне нормальная, между прочим.

Он закатывает глаза так энергично и театралью, что я всерьёз начинаю беспокоиться за его здоровье.

– Катя. «Ассистент на побегушках» – это не долгосрочная карьера, если только твоя жизненная цель – быть очень уставшей и очень бедной до конца дней. Ты же не можешь вечно варить растворимый кофе для раздражённых клиентов.

– Но я так хороша в этом, – протестую я. – Серьёзно думаю, это моё истинное призвание. Кофе получается почти вкусным.

– Прошло уже три года, Катя, – вздыхает он. – Тебе пора вернуться в нормальный мир, начать жить своей настоящей жизнью. Той, которую ты планировала.

Я задумчиво ковыряю нитку на платье, не поднимая глаз.

– Я ненавижу жить. То есть, настоящей жизнью. Я хочу остаться здесь, тихо процветая в нашей милой заплесневелой квартирке и заниматься своими скучными делами до самого конца дней. Это прекрасный план.

– Твоя жизнь такая безумно скучная, – жалуется он, потирая лицо. – Мне скучно даже просто думать о ней и о твоих перспективах.

Он постукивает пальцем по экрану моего ноутбука.

– Смотри, а если бы Тимофей Соколов попросил тебя сделать это? Что тогда?

Я смотрю на замёрзший кадр с Тимофеем Соколовым в роскошном историческом костюме, и приятное тепло разливается по всему телу.

– Тимофей Соколов, наверное, попросил бы меня вежливо и учтиво, – мечтательно говорю я. – И точно не заставил бы меня чувствовать себя чем-то неприятным, что случайно прилипло к его дорогому ботинку.

– Но ты бы согласилась сделать это? – уточняет Рома.

– Ну... да? Наверное, да.

Тимофей Соколов – мой самый любимый актёр на свете. Он всё, абсолютно всё, чем не является Дима. Он играет в забавных сериалах и серьёзных исторических драмах и всегда изображает очаровательного романтического героя с безупречными манерами. Прямо сейчас он снимается в моей текущей телевизионной одержимости – историческом сериале «Королевы и фавориты». Он играет нежного, невероятно сексуального графа с душой поэта. Я вчера видела интервью с ним, где он позвал молоденькую стажёрку перед камерой и заплёл ей идеальную французскую косу, пока спокойно отвечал на вопросы журналистов. Я чуть не взорвалась от чистой зависти к этой девчонке.

На всякий случай, если ещё не совсем очевидно: я просто без ума от него. Я краснею до корней волос, когда он смотрит на меня в глаза прямо через экран.

– Так что явно не сама работа тебя беспокоит, – отмечает Рома с довольной ухмылкой. – Тебе просто категорически не нравится Дима как личность.

– Ну и что с того? – вспыхиваю я. – Он это честно заслужил! Он сидел в ресторане с таким видом, будто я давно и безнадежно в него влюблена и просто одержима его персоной. Как вообще можно быть настолько самовлюблённым нарциссом? Извини, я не знала, что он владеет всеми мусорными баками Москвы и половиной недвижимости. Что теперь, нам всем эвакуироваться с улицы каждый раз, когда его величеству нужно выйти поплакаться в платочек?

– Да кому вообще какое дело? – пожимает плечами Рома. – Это всего-то два месяца твоей жизни, и это действительно может изменить для тебя всё. Это будет невероятно полезно для твоей актёрской карьеры, Катя. Ты же понимаешь.

Я подозрительно шурюсь на него.

– У меня нет актёрской карьеры. Вообще никакой. Я больше не актриса.

Рома громко фыркает в стакан.

– Ага, правда. Честно говоря, я до сих пор удивлён, что охрана театра так ничего и не сделала с той странной одержимой девушкой, которая упорно взбиралась на сцену и самозабвенно прерывала шекспировские представления восемь раз в неделю два года подряд. Прямо загадка природы.

Я хватаю его за руку, сжимая пальцы.

– погоди! Я совсем забыла тебе сказать. Угадай, в какой фильм он отчаянно пытается попасть?

Он задумчиво глотает ещё немного виски.

– «Тролли 5»?

– ...Было бы отличным типажом для него, но нет, – усмехаюсь я. – «Ромео и Джульетта». Представляешь?

Его глаза расширяются от удивления.

– Катя, так это же судьба! Настоящая судьба. Такое просто не может случайно происходить в жизни. Это явный знак свыше. И даже если он полный придурок и самовлюблённый тип, такие огромные деньги точно изменят твою жизнь к лучшему.

Я следую за его взглядом к внушительной стопке квитанций на оплату, которая медленно лавиной сползает со стола на пол. Мы осторожно ходим вокруг да около с тех самых пор, как я вернулась домой, но теперь совершенно очевидно, что что-то серьёзно не так.

– Мм. Так. Кстати говоря, – осторожно начинаю я. – Как вообще прошла та встреча с твоим крупным благотворителем?

Он глубоко стонет, бессильно опустив тяжёлую голову прямо на стол.

– Они тоже отказываются. Окончательно и бесповоротно.

– Погоди, они были крупными благотворителями? – уточняю я.

– Это был местный общественный центр. Серьёзная организация. Они стабильно приносили миллион в год, причём легко и без проблем.

Он устало трёт покрасневшее лицо.

– Они прямым текстом сказали, что хотят сменить выбранную благотворительность на что-то более «весёлое» и «позитивное». Думаю, они теперь собираются массово усыновить детёнышей лисят или что-то в этом милом роде.

– А, понятно. Так вот где ты принципиально ошибся, – киваю я. – Твоя благотворительность по психическому здоровью звучит слишком депрессивно для обычных людей. Надо было добавить лисят.

Я беру очередную квитанцию, внимательно читаю её и невольно морщусь от суммы.

– А деньги от бабушки совсем не покроют расходы?

Повисает гнетущее мгновение молчания. Затем тихо:

– Их больше нет.

Я резко поднимаю взгляд. Он моргает слишком быстро, его обычно яркие зелёные глаза становятся стеклянными и блестящими. Он отчаянно пытается не заплакать при мне.

– Всё полностью ушло, Катя. До копейки.

– Рома!

Я торопливо поддвигаю свой стул ближе к нему и крепко притягиваю его в объятия. Он благодарно зарывается лицом в моё плечо, его дыхание становится неровным и прерывистым. Горячие слёзы медленно скользят по моей ключице, оставляя мокрые следы.

– Что ты вообще имеешь в виду? – шепчу я испуганно.

– Всё это моя вина, – говорит он, его голос звучит приглушённо и надломленно. – Я страшно напутал в своих таблицах. Идиотская ошибка в бухгалтерии. Самая дурацкая ошибка в моей жизни. Мы просто тратили слишком много месяцами. Я наивно предполагал, что пожертвования обязательно вырастут со временем, а они взяли и резко упали, но я...

Он запинается, и его голос ломается.

– Чёрт возьми.

Его широкая спина болезненно сжимается от очередного рыдания.

– Я заставил людей по-настоящему доверять мне, искренне сказал им всем, что они теперь в полной безопасности, а теперь вынужден снова отнимать это у них. И всё только из-за того, что я элементарно не умею считать. Это может по-настоящему серьёзно навредить некоторым людям, и это всё, абсолютно всё – моя личная вина.

Моё горло мгновенно сжимается от подступающих слёз. П.У.Ф.– в основном волонтерская организация, но она также предлагает жизненно важную финансовую поддержку людям, которые физически не могут работать из-за состояния здоровья. Получить официальные пособия по инвалидности за психические заболевания в нашей стране невероятно сложно, почти нереально. Я точно знаю, что многие отчаявшиеся люди полностью полагаются на скромные пожертвования благотворительности Рома, чтобы просто купить еду или хоть как-то оплатить аренду жилья.

– Я такой глупый, – безнадежно шепчет он в моё плечо. – Полный идиот.

– Неет, – качаю я головой, обнимая его ещё крепче. – Ты совсем не глупый. Ты просто устал. Нам срочно нужно позитивное мышление и настрой? Давай прямо сейчас.

Я обнимаю его теплее и нежнее.

– Ты очень умный. Ты добрый и отзывчивый. И вообще ничего страшного, что ты до сих пор не знаешь толком, что такое Excel и как им пользоваться. Таблицы – это токсичное зло, придуманное для издевательства над людьми.

Он тяжело стонет и медленно отстраняется, взъерошив дрожащей рукой свои растрёпанные кудри.

– Мне совсем скоро придётся начать лично сообщать всем эти ужасные новости. Но что я должен им сказать?

Он смотрит в пустоту остановившимся взглядом.

– «Извините, милая восьмидесятилетняя одинокая бабушка без семьи и близких. Я прекрасно знаю, что ваше посттравматическое стрессовое расстройство настолько сильное, что вы даже не можете выйти из дома на улицу, но я больше не могу позволить себе регулярно приносить вам еду. Так что, думаю, вам теперь придётся питаться собачьим кормом, пока вы медленно не усохнете в жалкий скелет, который никто даже не найдёт целых два месяца после смерти?»

– Знаешь, думаю, ты мог бы сформулировать это чуточку чувствительнее, – осторожно говорю я. – Хотя бы попробовать.

Он захлёбывается воздухом, и я ласково глажу его непослушные волосы, как в детстве.

– Но, Рома, послушай меня. Всё обязательно будет нормально. Мы вместе устроим какие-нибудь крутые сборы средств или ещё что-нибудь придумаем. Мы точно исправим ситуацию. Ты делаешь невероятно доброе дело для людей, так что не смей корить себя за одну досадную ошибку. Слышишь?

– Ага. Конечно, – кивает он без энтузиазма.

Он делает несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться, и снова отпивает виски.

– Я правда не хочу больше говорить об этом прямо сейчас. Можем, пожалуйста, вернуться к обсуждению твоих проблем?

– Нет, не можем.

– Нет, можем, – настаивает он, вытирая мокрую щёку измятым рукавом.

– Даже если бы я отчаянно хотела, я физически не могу стоять перед камерой целых два месяца подряд, – вздыхаю я. – Я совершенно не могу ходить на светские мероприятия, постоянно попадать в объективы папарацци и давать бесконечные интервью журналистам. Я была в настоящем ужасе просто от одной мысли о встрече с ним в ресторане.

– Эй, послушай меня внимательно, – он крепко хватает меня за плечи, его лицо становится неожиданно строгим и серьёзным. – Ты можешь сделать абсолютно что угодно, понимаешь? Что ты сама всегда всем говоришь? Страх – это нормально и даже хорошо. Делать страшные вещи – это правильно и полезно для роста.

Он задумчиво смотрит на почти пустое дно стакана и теперь тянется к бутылке с виски решительным видом.

Я быстро и ловко конфискую её и прячу далеко под своим стулом.

– Разве ты уже недостаточно пьян? Мне кажется, хватит.

– Нет, у меня почему-то всё ещё остались кое-какие эмоции, – мрачно отвечает он. – Верни бутылку немедленно.

– Знаешь, мне кажется, звучит так, будто тебе срочно нужно поднять настроение чем-то милым, – говорю я, открывая новую вкладку на ноутбуке с невинным видом. – Может, хочешь посмотреть весёлые видео с толстыми детёнышами панд? Они там кувыркаются.

– Ты просто невыносимая лиса, – выдыхает он, но уголки его губ предательски дёргаются.

Позже тёмным вечером я уже уютно устроилась в своей постели, отчаянно пытаюсь писать жалобные попрошайнические письма бывшим щедрым благотворителям П.У.Ф.. Моя маленькая спальня тихо колыхается вокруг меня в неярком свете, как художественная свалка, празд-

нично украшенная разноцветными гирляндами. Ванильная ароматная свеча мягко светит и медленно тает на старой прикроватной тумбочке, наполняя воздух сладким запахом.

Я совершенно не могу сосредоточиться на письмах. Буквально каждые десять секунд мой беспокойный разум упрямо блуждает обратно к толстой внушительной пачке бумаги, которая зловеще лежит рядом со мной на мягкой кровати. Этот чёртов контракт словно имеет собственные глаза, и он пристально уставился прямо на меня.

Это то дурацкое слово, которое небрежно сказал Константин во время разговора. «Вызов». «Может быть, такой вызов окажется по-настоящему полезен для тебя».

Я терпеть не могу малодушно отказываться от вызовов. Это всегда заставляет меня чувствовать себя слабой и жалкой. Но ведь это даже не настоящий вызов, это просто безумно глупая идея. Я совершенно не хочу быть знаменитой и публичной. Я искренне просто хочу, чтобы абсолютно все люди оставили меня в покое и не лезли в мою жизнь.

Я уже решительно собираюсь взять этот проклятый контракт и с удовольствием швырнуть его прямо в мусорную корзину, когда вдруг слышу сдавленный задыхающийся шум сквозь тонкую как бумага стену. Я мгновенно замираю, уши напряжённо наостроены, сердце тревожно колотится в груди. Через несколько секунд Роман снова тихо всхлипывает в соседней комнате, и я медленно закрываю глаза, чувствуя, как что-то сжимается внутри.

Могу ли я хладнокровно продать себя ради благотворительности? Определённо нет.

Могу ли я продать себя ради своего единственного настоящего друга, который всегда был рядом?

Да. Да, конечно могу.

Константин отвечает уже на второй короткий гудок, словно ждал звонка.

– Екатерина?

Я собираю всю свою храбрость в кулак.

– Я точно не сделаю это, если мне действительно придётся подписывать соглашение о неразглашении. Это принципиально.

Повисает очень длинная, очень подозрительная напряжённая пауза.

– Могу я осторожно спросить, почему именно? – медленно произносит он, тщательно выговаривая каждое слово.

Я упрямо смотрю на яркие гирлянды, небрежно прикрепленные к доске с булавками на стене, пока они не начинают размываться в моих глазах в голографические золотые монеты.

– Послушайте внимательно. Вы серьёзно просите меня провести целых два месяца с двумя совершенно незнакомыми мужчинами, которых я никогда в жизни раньше не встречала, и при этом хотите юридически строго обязать меня вообще ничего никому не говорить, если со мной вдруг что-то случится? Насколько я понимаю ситуацию, вы вполне можете меня банально похитить для каких-то своих целей. По крайней мере, я точно скажу всё своему соседу по квартире. Это минимум.

– Екатерина, искренне уверяю вас, это совершенно не цель соглашения о неразглашении, – терпеливо объясняет он. – Оно исключительно для надёжной защиты личной информации Димы. Только и всего.

Я упрямо поднимаю подбородок выше, хотя он меня и не видит.

– Вот вы беспокоитесь, что его банальные списки покупок и скучные телефонные разговоры случайно утекут в прессу. А я всерьёз беспокоюсь о собственной элементарной безопасности. Чувствуете разницу?

– Он никогда бы не...

– Послушайте, пожалуйста, – перебиваю я. – Я правда совсем не хочу оскорбить ни одного из вас. Вы оба реально кажетесь – ну, по крайней мере вы лично кажетесь довольно милым и адекватным человеком. Но вы же не можете серьёзно ожидать, что я спокойно сделаю

это вообще без какой-либо защиты. Это было бы полностью и абсолютно неразумно с моей стороны. Мой сосед по квартире очень надёжный и ответственный человек, он профессиональный оператор скорой помощи. Он постоянно имеет дело с конфиденциальной медицинской информацией каждый божий день. Честно обещаю, он точно ничего никому не скажет и не проболтается.

Он молчит почти целую длинную минуту, обдумывая мои слова. Я терпеливо жду, рассеянно рисуя круги пальцем на мягком покрывале.

– Ладно, – наконец говорит он со смирением в голосе. – Мы уберём соглашение о неразглашении из документов.

Я слышу отчётливый шелест бумаг и решительный скрип ручки.

– Однако есть один важный момент. Если Дима вдруг спросит об этом напрямую, вам обязательно придётся сказать ему, что вы его благополучно подписали. Это будет для него абсолютным условием без всяких компромиссов. Он очень... закрытый и недоверчивый человек по натуре.

Я невольно морщусь от дискомфорта.

– Погодите. Вы хотите, чтобы я откровенно солгала ему прямо в глаза?

Не кажется самым лучшим началом для нашей грандиозной публичной любовной истории. Я, конечно, пропустила полезные советы в журнале «Космополитен», но совершенно уверена, что все фальшивые отношения обязательно должны строиться исключительно на взаимной честности и доверии.

– Понимаете, у него были серьёзные проблемы с людьми, которые безответственно разглашали его сугубо личные детали в прошлом, – вздыхает Константин. – Он категорически не согласится на это предложение, если хоть на секунду подумает, что есть малейший шанс, что это неприятное событие случится снова.

– Ладно, хорошо, – соглашаюсь я после паузы. – Я не скажу ему правду. Обещаю.

– Отлично. Тогда пришлите мне свой точный адрес в сообщении, один из наших профессиональных водителей заедет за вами ровно в полдень завтра. Мы подробно пройдемся по всей остальной документации.

Ещё один шелест бумаг.

– Спасибо вам большое, Екатерина. Я искренне думаю, это окажется действительно полезно для вас обоих. Очень надеюсь.

Он вешает трубку, и паника сразу же острой иглой пронзает меня насквозь.

– Рома? – громко кричу я сквозь тонкую стену, не сдерживаясь.

Его невнятное хмыканье звучит так, будто он глубоко уткнулся лицом в матрас.

– Кажется, я только что сделала что-то очень глупое, – признаюсь я в пустоту.

Глава 6

На следующий день ровно в полдень я выхожу на душную московскую улицу, в тот самый момент, когда у моего подъезда с угрожающим видом притормаживает невероятно крутая машина. Даже не машина – монстр на колёсах.

Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Она чёрная, массивная, больше похожая на бронетранспортёр, чем на обычный автомобиль. Пока я стою и пялюсь, дверь водителя распахивается, и из неё выбирается неприметный мужчина средних лет в такой же неприметной тёмной одежде. Он протягивает мне руку для рукопожатия.

– Добрый день, барышня, – его голос звучит так, словно он всю жизнь питался одним гравием.

– Здравствуйте? – неуверенно отвечаю я.

– Меня зовут Сергей. Я начальник службы безопасности Дмитрия Тана. Он прислал меня, чтобы отвезти вас в гостиницу.

– О. – Я с сомнением оглядываю бронированную боевую машину, больше напоминающую танк. – Я, честно говоря, ожидала обычное такси.

– Дмитрий Олегович предпочитает нанимать личных водителей, – невозмутимо отвечает Сергей. – Это одна из его персональных машин. Для повседневных поездок.

Ну что ж, приятно видеть, что Дмитрий не слишком кичится своей звёздной славой. Всего-то ездит на бронированном монстре. Сергей галантно распахивает заднюю дверь передо мной, и я заглядываю внутрь в бесконечную, пещерную тьму салона. Машина настолько огромная, что я не могу разглядеть её полностью – задние сиденья теряются где-то в туманной дали.

– Эм. – Я нервно переминаюсь с ноги на ногу. – А можно мне сесть спереди? С вами?

– Как вам будет угодно, барышня, – он кивает с абсолютно непроницаемым выражением лица.

Я уже тянусь к ручке переднего пассажирского сиденья, но Сергей каким-то чудесным образом опережает меня, молниеносно обходя машину и распахивая дверь с поклоном, достойным дворецкого при дворе.

Я неловко забираюсь внутрь и устраиваюсь на жёсткой кожаной обивке, которая скрипит под моим весом.

– Меня, кстати, зовут Катя, – говорю я, пока он заводит двигатель с утробным рычанием.

Он молча кивает и проверяет зеркало заднего вида.

Как оказывается, Сергей не слишком разговорчивый тип. Что, в общем-то, нормально, потому что я тоже сейчас не в настроении для светской беседы. Молча смотрю в окно, наблюдая, как за стеклом медленно проплывают знакомые серые панельки моего любимого Отрадного. Размышляю о том, ступлю ли я когда-нибудь снова на его усыпанные окурками и жвачкой тротуары. Или это моё последнее прощание с районом. Я всё ещё процентов на семьдесят пять уверена, что меня сейчас не похищают. Просто похищают с невероятной роскошью и комфортом.

После мучительной сорокаминутной поездки сквозь московские пробки мы наконец прибываем к гостинице «Националь». Два фотографа с огромными камерами, до этого сучающе слонявшихся по парковке, мгновенно оживляются, как охотничьи собаки, учуявшие дичь, когда я выхожу из машины. Мы с Сергеем быстрым шагом направляемся к входу, и я краем глаза замечаю, как вспыхивают фотовспышки.

Холл гостиницы просто роскошен – весь в ослепительно белом мраморе и сверкающих хрустальных светильниках размером с небольшую люстру. Я невольно запрокидываю голову, разглядывая интерьер, и рот у меня медленно открывается от изумления. Потолок расписан

в стиле Сикстинской капеллы – это бледно-голубое утреннее небо, украшенное воздушными пенистыми облаками и порхающими херувимами. Красота невероятная.

Сергей провожает меня дальше к стойке регистрации. На ресепшене мне торжественно вручают электронную карту-ключ и в придачу очень энергичного, излучающего энтузиазм посыльного по имени Иван, который должен проводить меня в люкс. Сергей кивает мне на прощание и бесшумно исчезает, оставляя меня на милость судьбы.

Иван оказывается невероятным болтуном и не умолкает всю дорогу в лифте, взхлёб рассказывая о ресторанах гостиницы, массажах горячими камнями, спа-процедурах и прочих радостях жизни, пока я отчаянно сосредотачиваюсь на ровном дыхании, стараясь не паниковать. У меня стойкое ощущение, словно над головой громко тикает невидимый таймер, отсчитывая последние минуты моей нормальной жизни.

– Вот оно! – радостно объявляет он, когда лифт с мелодичным звоном останавливается на двадцать третьем этаже. – Люкс «Лебедь»! Это наш самый романтичный номер во всей гостинице! На самом деле, – он многозначительно понижает голос, – это люкс специально для молодожёнов!

– О, как... мило, – выдавливаю я из себя максимально слабым голосом.

Мы выходим в просторный холл. Ковёр такой толстый и розово-розовый, что я буквально погружаюсь в него почти на целый сантиметр, как в облако сахарной ваты.

Иван продолжает с воодушевлением расхваливать бесчисленные преимущества люкса, пока ведёт меня по коридору к нужной двери.

– Есть специальная кнопка вызова, чтобы пригласить массажистку прямо к вам в номер! В любое время суток!

– Эм, думаю, мне это вряд ли понадобится, – бормочу я.

– Романтическая услуга с лепестками роз! Их рассыпают по всей комнате!

– Что?

– И совершенно бесплатные презервативы премиум-класса! – торжественно заключает он. – Вот мы и пришли!

Я застываю у двери люкса с поднятой рукой, готовясь постучать, и меня пронзает внезапная мысль. Знал ли Дмитрий, когда бронировал, что это именно люкс для новобрачных? И главное – почему, чёрт возьми, он выбрал номер с презервативами в базовой комплектации?

Иван наклоняется ко мне ближе, явно желая поделиться важной информацией.

– Они, кстати, из натуральной овечьей кожи, – доверительно шепчет он мне прямо в ухо. – Их практически совсем не чувствуешь. Наши гости очень довольны.

Я торопливо стучу в дверь – в основном для того, чтобы поскорее от него отвязаться и прекратить этот неловкий разговор.

Дмитрий открывает буквально мгновенно, словно стоял прямо за дверью. В отличие от вчерашнего дня, он не в строгом деловом костюме – сегодня одет абсолютно обыденно, в потёртых джинсах и простой белой футболке. Он поднимает одну тёмную бровь, глядя на Ивана.

– Зачем он здесь? – спрашивает громко и довольно грубо, ни капли не стесняясь присутствия самого Ивана. – Вам правда нужна была помощь, чтобы найти дверь с огромным номером на ней?

Жаркая волна смущения заливает моё лицо ярким румянцем, но парень, видимо, давно привык к подобным оскорблениям от богатых постояльцев и даже ухом не ведёт.

– Ой, Дмитрий Тан! – восклицает он с неподдельным восторгом. – Моя девушка такая большая ваша фанатка! Можно сделать быстрое селфи для неё? Пожалуйста! Она мне просто не поверит, что я лично встретил вас!

Дмитрий устало потирает висок, явно сдерживаясь от комментариев, и жестом приглашает меня войти. Я быстро ныряю под его рукой в номер, спасаясь от неловкой ситуации.

Если честно, я наполовину ожидала увидеть какой-нибудь тёмный секс-подвал с обитыми красным бархатом стенами и развешанными кнутами, но здесь всё выглядит очень чисто, светло и стильно – прямо как в глянцевого буклете элитного курорта. Правая сторона просторного люкса представляет собой уютную зону отдыха, украшенную абстрактными акварельными картинами в тонких рамках, изящным стеклянным обеденным столом с хрустальной вазой свежих фруктов и невероятно мягкими креслами цвета зефира. Минибар со стеклянной дверцей гордо демонстрирует коллекцию дорогих напитков и изысканных закусок. Весь пол щедро усыпан пушистыми искусственными шкурами белого медведя – видимо, для создания романтической атмосферы.

Другая сторона люкса отведена под спальную зону. Там есть небольшое рабочее пространство с письменным столом и огромный широкоэкранный телевизор, висящий напротив исполинской кровати размера кровати. На левой стене тонкие полупрозрачные газовые занавески мягко колышутся над раздвижной стеклянной дверью. Я толкаю её и выхожу на красивую просторную террасу, украшенную большими керамическими горшками с алыми розами. Отсюда, с такой головокружительной высоты, открывается захватывающий вид на большую часть центра Москвы. Останкинская телебашня величественно блестит совсем рядом, отражая меняющийся цвет вечернего неба. Большой театр отсюда кажется таким крошечным – словно изящное обручальное кольцо, случайно упавшее у извивающегося синего берега широкой Москвы-реки.

Я возвращаюсь обратно внутрь и нервно подхожу к кровати, слегка касаясь пальцами глянцевого атласного покрывала. Оно такое шелковистое и скользкое, что можно буквально окунуть в него пальцы, как в банку с жидкой краской. К моему огромному облегчению, никаких мисок или ваз с подозрительными презервативами на виду нет – слава богу и всем святым. За моей спиной Дмитрий даёт Ивану щедрые чаевые, от размера которых лицо парня резко меняет цвет с обычного на свекольно-красный, и входная дверь наконец захлопывается, отрезая нас от остального внешнего мира и всего человечества.

И вот я одна. В спальне. С одним из самых знаменитых и популярных актёров во всём мире.

Я тяжело опускаюсь на край мягкой кровати, не сводя с него настороженного взгляда.

Он молча смотрит в ответ, изучающе.

– Почему вы сидели спереди? – его голос звучит заметно грубее и резче, чем я помню со вчерашнего дня.

– Что? – переспрашиваю я, не понимая.

– В машине. Я видел вас из окна гостиницы. Почему вы сидели на переднем пассажирском сиденье?

Что это вообще за странный вопрос?

– А где, по-вашему, я должна была ехать? – раздражённо отвечаю я. – В багажнике, что ли?

– Задние сиденья в той машине имеют специальные тонированные, отражающие окна, – рассуждает он вслух, сужая глаза. – Наверное, вы очень хотели, чтобы вас видели именно в моей машине. Очень надеюсь, что фотографы успели сделать хорошие чёткие снимки крупным планом.

Мой разум буквально пустеет. У меня совершенно нет никакого опыта общения с таким откровенным нахалом и хамством. Я просто не знаю, как вообще можно на это адекватно ответить.

– Где Константин? – спрашиваю я, и голос звучит немного отчаянно.

– Забирает мой костюм из химчистки. Скоро должен вернуться, – Дмитрий неторопливо направляется к холодильнику и достаёт оттуда бутылку какой-то дорогой минеральной воды. Он на секунду замирает, словно собирается предложить мне тоже выпить, но потом реши-

тельно и твёрдо захлопывает дверцу. – Что с вами? Вы выглядите так, будто вот-вот грохнетесь в обморок прямо на пол.

Я нервно тру край своего платья между пальцами.

– Почему мы вообще должны были приходиться в гостиничный номер? Мы не могли встретиться где-нибудь в кафе?

– Ну, я же не собираюсь пускать вас к себе домой, правда? – он говорит это так, словно объясняет очевидную истину маленькому ребёнку.

– Но почему именно люкс для новобранцев? – настойчиво продолжаю я. – Во всей гостинице что, других номеров не было?

Его скулы слегка розовеют. Он отворачивается и направляется к столу, начиная перебирать какие-то бумаги на нём.

– Это такая шутка от студии, – буркает он. – Они очень злы на мой неудачный тайминг с объявлением о помолвке. – Делает паузу. – Кстати, все ящики в ванной комнате битком набиты презервативами разных видов. Так что даже не вздумайте ничего странного.

– Хорошо, – выдыхаю я максимально слабым голосом. – Хорошо. Понятно.

Он задумчиво смотрит на меня несколько секунд, явно что-то обдумывая, потом резко отрывает чистый листок с логотипом отеля от блокнота и протягивает мне вместе с ручкой.

– Вот. Держите. Напишите список. Все вещи, с которыми вам будет некомфортно в этих... отношениях.

– Вы серьёзно сейчас?

Он одаривает меня таким взглядом, который недвусмысленно даёт понять, что он никогда в жизни не шутит. Наверное, у него просто физически отсутствуют центры мозга, отвечающие за чувство юмора и удовольствие.

Я думаю пару секунд, потом начинаю старательно писать пункты своего списка.

– Ну, эм. Не трогайте мою попу или грудь. Вообще никак.

Его тёмные брови хмурятся.

– Я вообще не планировал вас лапать, – сухо отвечает он. – А рука вокруг талии – это нормально?

– Да, это вполне нормально, – киваю я.

Рисую аккуратную звёздочку для следующего важного пункта.

– Наверное, нам иногда придётся целоваться для камер и фотографов, но, пожалуйста, предупреждайте меня заранее? Хотя бы за секунду. И без... ну, вы понимаете. Без языка.

Он издаёт глубокий, страдальческий вздох.

– Мы точно не будем французски целоваться на красной ковровой дорожке перед всеми, – произносит он таким тоном, словно сама эта мысль вызывает у него приступ лёгкой тошноты.

Я заканчиваю список с двойным подчёркиванием последнего пункта.

– И ещё я довольно нервная по характеру, так что, пожалуйста, не хватайте меня внезапно и резко. Я могу от неожиданности закричать или что-нибудь сделать.

– Пожалуйста, постарайтесь не делать этого, – говорит он устало.

Я передаю исписанную бумагу обратно ему, чувствуя себя чуточку комфортнее и увереннее. В конце концов, это просто работа, мы на деловой встрече, просто устанавливаем чёткие условия нашего взаимовыгодного соглашения. Вот и всё. Ничего особенного.

– А у вас есть какие-то пункты?

Он даже не берёт протянутую ручку в руки.

– Если я хоть раз увижу, что вы говорите со СМИ или журналистами, когда этого делать не надо, – будете немедленно уволены. Если вас хоть раз увидят на публике в интимной обстановке с другим мужчиной, – будете мгновенно уволены. Если расскажете хоть кому-нибудь – вообще кому-либо – о настоящей природе наших отношений, – будете безоговорочно уволены.

Я киваю в знак понимания серьёзности ситуации.

– Это всё? Ничего касательно физических границ?

Он задумчиво размышляет несколько секунд.

– Не целуйте мою шею. Никогда.

Я не могу удержаться и взгляд сам собой замирает на его шее. Мои глаза медленно прослеживают безупречный, почти точеный контур его челюсти, а затем невольно скользят ниже. Там, под идеально гладкой, матовой кожей, отчетливо проступает острое адамово яблоко – благородный акцент на его тонком горле, который делает его образ одновременно хрупким и властным.

– Кстати, – произносит он многозначительно и с заметным сарказмом, и я поспешно опускаю свой слишком заинтересованный взгляд в пол. – Нам ещё нужно как следует разобраться с тем, как именно мы будем целоваться на публике.

– Эм, я вообще-то знаю, как это делается, – говорю я немного обиженно.

Неужели он серьёзно думает, что я настолько раздражающая и непривлекательная, что у меня вообще никогда в жизни не было подобного опыта?

– Очень рад это слышать, – сухо отвечает он. – Но я совсем не это имел в виду. Когда вокруг куча фотографов с камерами, приходится учитывать множество других важных вещей. Освещение, правильные углы съёмки, выражение лица. – Он прищуривается, оценивающе глядя на меня. – Встаньте, пожалуйста.

Я послушно встаю с кровати, и мы оба оказываемся в лёгком шоке от разницы в нашем росте. Он просто возвышается надо мной, как гора. Я запросто могла бы полностью исчезнуть и раствориться в его длинной тени. Если бы мы действительно встречались по-настоящему, он случайно раздавил бы меня во сне своим весом, как букашку.

– Боже мой. Какой у вас вообще рост? – спрашивает он с плохо скрываемым ужасом.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

– Сто пятьдесят девять сантиметров, может быть, сто шестьдесят один. Медицинские доклады немного разнятся в показаниях.

– Это катастрофически мало, – заявляет он таким тоном, словно это целиком и полностью моя личная вина.

Готова биться об заклад, что он всю свою жизнь привык встречаться исключительно с высокими профессиональными моделями.

– Вам, наверное, придётся как следует растягиваться каждое утро перед выходом, – продолжает он задумчиво. – Иначе вы серьёзно повредите себе спину, если не будете осторожны.

Ему в голову явно приходит внезапная мысль.

– Вы когда-нибудь раньше симулировали поцелуй? Для камеры? Мы могли бы попробовать, а...

Не дожидаясь ответа, я решительно тянусь к его лицу обеими руками. Он послушно наклоняется пониже, позволяя мне коснуться, и моё сердце внезапно сжимается, когда я невольно вдыхаю аромат его одеколona. Я никогда в жизни не нюхала ничего подобного. Этот запах такой чистый, безопасный, невероятно успокаивающий, свежий – как только что выстиранное бельё, и он приятно греет что-то глубоко внутри. Почему такой холодный, злой и грубый мужчина использует настолько вкусный и уютный одеколон? Он пахнет именно как дом, как безопасность. Мне отчаянно хочется зарыться лицом в его шею, как в мягкую стопку тёплых простыней, только что вынутых из сушилки.

– Ну? – нетерпеливо произносит он. – Что вы собираетесь делать?

Я осторожно кладу подушечку своего большого пальца нежно на его рот. Губы оказываются неожиданно удивительно мягкими для такого грубого человека. Я чувствую, как они слегка раздвигаются под моим прикосновением. Одна бровь медленно ползёт вверх, и прежде чем он успевает начать возмущаться и жаловаться, я быстро наклоняюсь и мягко касаюсь

губами своего собственного пальца. Это типичный старый театральный трюк, которому учат на первом курсе: со стороны это выглядит так, словно я страстно схватила его лицо в порыве неконтролируемой страсти и целую врасос. А на деле я просто довольно странно сосу свой собственный сустав. Дмитрий издаёт низкий звук понимания и одобрения где-то глубоко в горле.

А затем входная дверь внезапно с грохотом распахивается настежь.

Глава 7

Константин выглядит довольным, даже слегка самодовольным.

– Я вам не помешал? – Он небрежно бросает сумку с одеждой на кровать, словно это не дизайнерские шмотки за несколько сотен тысяч рублей. – Ты в Армани сегодня, Тан.

Я опускаюсь на пятки. Даже не заметила, что стояла на цыпочках. К концу этой работы у меня, наверное, будут стальные икры. Хотя кому я вру – скорее просто хронические судороги.

Дмитрий потирает затылок, выпрямляясь во весь свой внушительный рост.

– А она? – Он окидывает критическим взглядом моё платье в радужный горошек, и я понимаю, что сейчас прилетит. – Ты выглядишь как пакетик драже из цветной глазури, – сообщает он мне с абсолютно серьёзным лицом.

– Спасибо, – отвечаю я максимально сухо. – Вы тоже сегодня прекрасны.

Константин смотрит на часы и поджимает губы.

– Стилист должна быть здесь через пять минут. А чем именно вы двое занимались? – В его голосе слышится лёгкое подозрение, словно мы тут устроили что-то неподобающее.

– Мы придумываем, как нам не целоваться друг с другом, – объясняю я, излагая свой гениальный план с гордостью изобретателя велосипеда.

Он кивает, обдумывая сказанное.

– Если папарацци снимают издали, это сработает. Но если они в одной комнате с вами, то нет. Если вам комфортно, быстрый поцелуй в губы вполне подойдёт. Ничего сверхъестественного.

Я киваю, стараясь выглядеть уверенно.

– Я не против.

– Отлично. – Он передаёт мне увесистую сумку с ноутбуком. – Здесь вам корпоративный телефон и компьютер. На них загружены все фильмы Димы, если вдруг захотите поизучать материал. Я буду присылать вам по почте главные новости о вас двоих каждый день и составлю еженедельный PR-пакет, чтобы вы могли получить полный обзор текущего общественного мнения.

Дмитрий резко поднимает голову, будто его ужалили.

– Ты хочешь, чтобы она читала, что люди о ней говорят? – В его голосе звучит искреннее недоумение.

– Она инструмент PR, – говорит Константин, словно объясняет что-то невероятно простое очень медленному человеку. – Ей нужно быть в курсе своего собственного PR. Это азы. – Он поворачивается ко мне, игнорируя хмурый взгляд Дмитрия. – У Димы много пресс-мероприятий по его предстоящему фильму в ближайший месяц, что даёт нам отличную возможность вывести вас на камеры вместе с ним. В этом году вся пресса будет в Москве. Здесь, в этой гостинице, кстати. Международные новостные издания либо прилетят сюда, либо проведут интервью удалённо. Вы будешь болтаться рядом во время его интервью, посещать все пресс-мероприятия и премьеру с ним, в общем, просто убедитесь, что репортёры увидят вас вместе. Когда прессы нет, вы будете ходить на свидания. Романтичные, желательно.

Я осматриваю новый телефон, вертя его в руках. На нём нет видимых кнопок. Я понятия не имею, как его включить. Похоже, современные технологии обогнали меня.

– Всё в этой гостинице? Разве обычно не бывает пресс-тура или чего-то подобного?

Он качает головой, подавляя зевок.

– Нет, эту оговорку убрали из его контракта после прошлого года. Некоторые актёры прилетят в разные города, но Дима останется здесь. Так спокойнее для всех.

– Что случилось в прошлом году? – Я уже предполагаю очередной звёздный каприз.

Константин выглядит неловко, бросает быстрый взгляд на Дмитрия.

– Он был очень уставшим от перелётов в одном интервью и раскритиковал приложение, которое спонсировало весь тур. Знаешь «Грозное Облако»? Сервис обмена сообщениями? – Я киваю. – После выхода интервью компания почти сразу обанкротилась. Акции рухнули за сутки.

– Я не нарочно, – бормочет Дмитрий, глядя в сторону.

Константин тянется и сжимает его плечо в утешающем жесте.

– Итак, эта гостиница будет вашей базой до конца прессы – примерно месяц, после премьеры. Вы будете приходить сюда каждый день... – Он вдруг замолкает и подавляет зевок такой огромный, что его челюсть выглядит как у питона, готового проглотить маленькую антилопу целиком.

– Вы в порядке? – спрашиваю я с искренним беспокойством. – Этот выглядел болезненным.

Он виновато потирает подбородок.

– Контроль ущерба оказался довольно срочным делом. Не было особо времени на сон. Или еду, если честно.

Я сразу чувствую себя ужасно, как полная эгоистка.

– Мне правда очень жаль, что я причинила столько хлопот. Я совсем не хотела, чтобы всё так вышло.

Дмитрий фыркает, явно не разделяя моих сожалений. Константин быстро стучит ему по лодыжке своей тростью – не сильно, но чувствительно.

– На мой взгляд, вы абсолютно невинная жертва обстоятельств, – говорит он мне тепло. – Я месяцами говорил Диме, что нужно официально обнародовать его разрыв с Жанной, но он хотел дать ей передышку, чтобы она спокойно пережила расставание, прежде чем её затравит пресса.

– Можно не обсуждать мою личную жизнь с ней? – Дмитрий выглядит раздражённым и слегка покрасневшим.

– Она теперь твоя новая личная жизнь, Дима. Привыкай. – Константин переводит взгляд обратно на меня. – Сегодняшнее мероприятие довольно маленькое, камерное. Всего пара сотен человек. Один из спонсоров «Союза» – крупная международная компания по производству электроники, они запускают новый смартфон, так что вся съёмочная группа и куча инфлюенсеров будут там, чтобы его продвигать. Нам нужно начать готовить вас к камерам прямо сейчас.

– Мероприятие же через восемь часов, разве нет?

Дмитрий подходит к кровати, достаёт свой ноутбук и открывает его.

– Будет не так много времени. Вам стоит поторопиться. – Он бросает на меня красноречивый взгляд.

Прежде чем я успеваю полностью осознать тонкое оскорбление, двери номера распахиваются настежь, и в комнату буквально врывается целая команда стилистов: высокий мужчина-стилист, одетый во всё чёрное с головы до ног, с тремя шикарными женщинами, шагающими за ним строем и сжимающими в руках страшные инструменты пыток. Мужчина представляется как Кирилл, окидывает меня долгим оценивающим взглядом сверху донизу и разочарованно фыркает.

– Господи, нам предстоит очень много работы, – объявляет он так, словно я лично испортила ему весь день.

Похоже, меня ждёт макияж всей моей жизни, что немного унижительно, поскольку я даже не подозревала, что он мне так необходим.

Весь оставшийся день сливается в сплошной вихрь отбеливания, выщипывания и болезненной восковой эпиляции. Я наивно надеялась спокойно полежать с ломтиками огурца на глазах, как в кино, но мне слишком больно, чтобы расслабиться. Мне даже не разрешили оставить волоски на руках – всё должно быть идеально гладко. Дмитрий всё это время сидит на

просторной террасе, спокойно стуча по клавишам ноутбука и старательно игнорируя мои редкие вскрики боли. Когда я наконец становлюсь гладкой как новорождённый дельфин, с меня снимают несколько слоёв кожи каким-то химическим пилингом, чтобы придать «сияющий, молодой вид», а потом щедро намазывают дорогим маслом для тела, как древнеегипетскую мумию перед погребением.

Я торопливо проглатываю бутерброд с ветчиной и сыром, пока сохнет золотой лак на ногтях, потом достают огромные косметички, и девушки хлопчут над моим лицом, как настоящие мастера-художники, рисуя мне огромные чувственные губы и выразительные скулы.

Ровно в шесть вечера стучит в дверь молодой человек и торжественно приносит моё платье на мероприятие. Хотя слово «платье» кажется некоторым преувеличением, если честно. Я выглядываю из-за плеча визажистки и смотрю на него в настоящем ужасе.

– О нет. Пожалуйста, только не это. Я не могу это надеть. Серьёзно.

Кирилл тяжело вздыхает, закатывая глаза.

– У тебя не так много выбора, милочка. Это всё, что смогли найти в такой спешке. Ты не совсем подходишь под обычный размер, понимаешь. – Он прикладывает платье ко мне, оценивая эффект. Переливающаяся тонкая ткань драпируется роскошными складками, мерцая зеленью, золотом и синевой под ярким светом, меняя цвета как мыльный пузырь на солнце.

– Оно прекрасное, – мечтательно вздыхает одна из девушек.

– Оно почти прозрачное, – указываю я на очевидную проблему.

Он суетится, поправляя складки.

– Блеск ткани отразит вспышки камер, сделает тебя эфирной и волшебной на плёнке. У тебя очень пышная грудь для такой миниатюрной фигуры, тебе определённо стоит её показать. Это твой козырь.

Я начинаю паниковать, представляя себя в этом.

– Просто я обычно не ношу такое откровенное...

Он шикает на меня, как на капризного ребёнка.

– Секс продаёт, милая. Тебе нужно давать правильный вайб, правильный образ, если хочешь, чтобы публика тебя действительно полюбила. – Он ещё раз окидывает критическим взглядом моё простенькое летнее платье в горошек. – Сейчас ты подаёшь образ... героини из массовки «Девчат». В лучшем случае. Или сиротки из советских мелодрам.

Это вполне понятно. Весь мой гардероб – это бесконечные рейлы масс-маркета в «Авиапарке» или ночные заплывы по скидкам на Wildberries. Обычно я выбираю то, что вылетает в топе по запросу «базовое платье», и на что хватает кэшбэка. Кирилл смотрит на мои потёртые балетки с таким видом, будто я наступила ими в глубокую лужу где-нибудь в Бирюлёво.

– И синий цвет – это совсем не твой оттенок, – цедит он, морщась. – Ты вообще смотрела на себя в зеркало при нормальном свете? С твоим подтоном кожи этот синий превращает тебя в ходячее пособие по анемии.

– У меня просто тип внешности такой... – неуверенно начинаю я, пытаюсь вспомнить, что там писали в статьях про «цветотипы». – Контрастный.

– Твой тип внешности сейчас называется «жертва распродажи», – перебивает он. – Ты выглядишь так, будто купила первую попавшуюся вещь из раздела «ликвидация товара», лишь бы прикрыть наготу.

– Тогда сделай одолжение своим людям и предкам – сожги всё синее в своём гардеробе. Холодные тона делают тебя похожей на мертвеца. Тебе нужны тёплые, насыщенные цвета.

Я не на сто процентов уверена, что «мои люди» оценят этот совет, но благоразумно держу рот на замке.

К тому времени, как меня окончательно доделывают, мы уже опаздываем. Дмитрий стоит у дверей в безупречно сшитом тёмном костюме с выражением сильнейшего раздражения на красивом лице. Вся его подготовка состояла из быстрого душа и переодевания – мужчинам так

легко. Он поднимает взгляд, и я вижу, как он внимательно осматривает моё новое, тщательно отретушированное лицо.

Я неловко улыбаюсь, чувствуя себя неуверенно.

– Ну? – я натянуто улыбаюсь, стараясь скрыть неловкость. – Я теперь достойна того, чтобы вы вели меня под руку?

– Во-первых, – чеканит он, – раз уж нам придется играть эту комедию, давай перейдём на «ты».

Я открываю рот, чтобы ответить, но он тут же резко отворачивается. В этом жесте столько явного, нескрываемого отвращения, что мне на секунду кажется, будто я действительно совершила преступление, просто надев это платье.

О да. Сегодня явно будет весело.

Дмитрий не говорит абсолютно ничего во время двадцатиминутной поездки на мероприятие. Буквально ни слова. Он один раз тяжело вздыхает, когда мы в третий раз застреваем в московской пробке, но на этом все звуки с его стороны заканчиваются. Интересно, думал ли он когда-нибудь о карьере мима – у него определённо есть талант к молчаливому выражению презрения. Константин полностью занят своим ноутбуком, быстро печатая что-то важное, а трое массивных охранников, которые увязались с нами для безопасности, похоже, вообще никогда не разговаривают по определению, так что я тоже сижу молча, нервно теребя подол своего смехотворно тонкого платья и изо всех сил стараясь не начать паниковать раньше времени.

Напряжённая тишина наконец прерывается, когда мы заворачиваем за угол на нужную улицу, и все в машине одновременно, в полной синхронности, выдают нецензурную брань.

Широкая московская улица забита людьми. Полностью, абсолютно забита. Как настоящее стадо на выпасе. Она буквально пульсирует живой массой человеческих тел, и когда наша машина медленно приближается к эпицентру толпы, они начинают пронзительно кричать. Я не говорю, что кричать – неподходящая реакция на приближение Дмитрия, но всё это кажется явным перебором.

Я начинаю слегка трястись от нервов.

Константин недовольно хмурится на Дмитрия.

– Это целиком твоя вина, знаешь. Все хотят первыми своими глазами увидеть твою новую девушку. Ты создал ажиотаж.

Дмитрий бросает на меня ледяной взгляд, который мог бы заморозить окна машины насквозь, – а потом делает удивлённый двойной взгляд. Я, наверное, выгляжу как дрожащий, вспотевший призрак.

Когда мы наконец подъезжаем вплотную к зданию, люди начинают настойчиво стучать по бокам машины ладонями. Я инстинктивно сжимаюсь в тугий комок. Полицейский в форме пробирается сквозь бушующую толпу и резко стучит в окно водителя, требовательно заставляя опустить его. Они оба начинают громко орать друг на друга сквозь оглушительный шум толпы.

– Эй, – неожиданно говорит Дмитрий. – Посмотри на меня.

Я крепко жмурюсь и пытаюсь дышать ровно.

Он осторожно касается моего запястья тёплыми пальцами.

– Катя. Посмотри на меня. Прямо сейчас.

Я с трудом открываю глаза и смотрю. Его глаза очень ясные, спокойные и неожиданно добрые.

– Тебе не обязательно это делать. Ты можешь отказаться.

Я просто молча моргаю на него, не понимая.

Он коротко кивает головой в сторону окна и бушующей толпы.

– Если выйдешь сейчас со мной из этой машины – всё. Конец. Точка невозврата. Твоя личная жизнь закончена навсегда. Твоё лицо станет общественной собственностью, народным

достоянием. Я знаю, ты думаешь, что хочешь славы, но поверь мне на слово – ты не хочешь. Никто по-настоящему не хочет. – Он так близко, что я физически не могу отвести взгляд от его лица. Его низкий голос заполняет всё пространство машины. – Люди будут преследовать и следовать за тобой до самого дома. Они будут тайком фотографировать тебя в магазинах, кафе, везде. Попытаются взломать твою электронную почту, порыться в твоём мусоре в поисках компромата. Ты больше не будешь принадлежать себе. Ты будешь принадлежать им.

– Им? – переспрашиваю я тихо.

Он выразительно тычет пальцем в истерично орущую девочку-подростка снаружи. Она прижимается разгорячённым лицом к стеклу и ревёт как настоящий монстр, размазывая помаду.

– Или я выйду один, а Сергей спокойно отвезёт тебя домой. И люди очень скоро о тебе забудут. Через неделю ты снова станешь обычной девушкой.

Сергей поворачивается к нам с водительского сиденья, его лицо серьёзно.

– Дмитрий Олегович. Нам пора двигаться. Сейчас.

Дмитрий не двигается с места, не отводит от меня пристального взгляда, давая мне время решить.

Я закрываю глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Машина скрипит и качается как маленькая лодка в шторм. Девушка начинает яростно колотить в окно прямо у моей головы, и я невольно пригибаюсь, инстинктивно ожидая града острых стеклянных осколков. Моё сердце стучит так сильно и быстро, что рёбра начинают болеть от напряжения. «Уходи, убирайся отсюда», – всё во мне отчаянно умоляет. «Это небезопасно. Ради всего святого, просто убирайся отсюда, пока цела».

– Дмитрий Олегович, – настойчиво повторяет Сергей. – Нам нужно выходить. Прямо сейчас.

Я открываю рот, чтобы сказать: «Ладно, ты абсолютно прав, давай, отвези меня домой», – но слова застревают мёртвым грузом в горле. Моя врождённая упрямая черта характера натягивается как струна и держится.

Если я сейчас убегу от этого из-за страха, я потом не смогу спокойно с собой жить.

– Я справлюсь, – шепчу я, почти беззвучно.

Дмитрий понимающе кивает один раз и крепко обхватывает рукой моё запястье. Мой бешеный пульс вибрирует прямо под его пальцами.

– Это кончится буквально через пару секунд, – тихо бормочет он мне, почти успокаивающе. – Потерпи.

Водитель начинает громко отсчитывать секунды, словно нас сейчас запускают в открытый космос, а не просто выталкивают из машины на московскую улицу. Слева здоровенный Сергей крепко берёт меня за плечо своей огромной рукой.

– ПОШЛИ! – резко кричит кто-то из охраны.

Дверь машины распаивается настежь, и меня буквально толкают вперёд, прямо в абсолютный хаос и безумие.

На несколько бесконечных ужасных секунд весь окружающий мир превращается в кошмарную мешанину ослепительного цвета, удушающего жара чужих тел и нестерпимо ярких огней. Вспышки фотокамер со всех сторон ослепляют меня. Чьи-то настойчивые руки дёргают за подол моего тонкого платья. Но самое худшее, невыносимое – это оглушительные крики отовсюду.

– ДМИТРИЙ! ЭТО ТВОЯ НОВАЯ ДЕВУШКА?

– КАК ТЕБЯ ЗОВУТ, МИЛАЯ?

– ТЫ УЖЕ ГОВОРИЛА С ЖАННОЙ?

– ВЫ ПРАВДА ВСТРЕЧАЕТЕСЬ?

Дмитрий крепко обнимает меня за талию, сильно притягивая к себе. Я зажмуриваюсь изо всех сил, пока Сергей совершенно бесцеремонно толкает нас обоих вперёд сквозь толпу, и я неловко спотыкаюсь на высоких каблуках, теряя равновесие, слепо вваливаясь в...

Неожиданную тишину.

Массивная стеклянная дверь с глухим звуком захлопывается за нашими спинами, и весь шум снаружи мгновенно уносится прочь, словно нас только что заперли в звуконепроницаемом банковском хранилище. Теперь я слышу только мягкий, достойный и приглушённый гул богатых светских людей.

Я медленно оглядываюсь вокруг, приходя в себя. Мы стоим в небольшом элегантном вестибюле. Несколько хорошо одетых гостей неторопливо толпятся у гардероба, тихо мирно болтая. В дальнем углу пара настойчивых фотографов о чём-то горячо спорит с непреклонным охранником насчёт пропусков. Официанты в безупречной форме бесшумно проплывают мимо с тихо позвякивающими бокалами бледного шампанского на подносах.

– Святая мать божья, – с чувством выдыхаю я со всей грацией и классом, подобающими такому заведению.

Буквально из ниоткуда перед нами материализуется услужливый валет и широко улыбается.

– Добрый вечер, Дмитрий Олегович, Екатерина. Большое спасибо, что пришли к нам сегодня.

Дмитрий всё ещё крепко держит мою руку, наверное, просто случайно, по инерции. Он решительно тянет меня к себе поближе, берёт за плечи и быстро осматривает с ног до головы, видимо тщательно проверяя на видимые повреждения или дыры в одежде.

– Я в полном порядке, – говорю я, всё ещё немного запыхавшись.

Тяжёлая дверь открывается снова, и мы оба автоматически смотрим, как Константина осторожно эскортирует в тихую комнату один из охранников, он слегка прихрамывает на левую ногу.

Лицо Дмитрия мгновенно каменеет.

– Это именно то, чего ты так хотела, я полагаю, – холодно бросает он. – Что ж, добро пожаловать в мою жизнь, Катя.

Глава 8

Игнорируя эти подростковые драмы и высказывания Дмитрия, я сияю, глядя на Сергея.
– Вы потрясающе справляетесь с этим! Как вам удаётся? Почти никто даже не коснулся меня.

Он одаривает меня лёгкой улыбкой, потом поворачивается к Дмитрию.

– Дмитрий Олегович. Убедитесь, чтобы с вами всегда была охрана каждый раз, когда выходите вдвоём.

Дмитрий хмурится.

– Но...

– Она не такая крепкая, как вы, – перебивает Сергей. – Она достаточно лёгкая, чтобы её сбить с ног, и достаточно маленькая, чтобы в толпе её просто раздавили.

Моё сердце немного опускается, как всегда, когда кто-то напоминает мне, какая я крошечная слабачка. Приятного мало, если честно.

Дмитрий резко кивает и едва не задевает меня локтем по груди. Я инстинктивно уворачиваюсь. Он смотрит на меня с каким-то выжидающим видом.

– Ну же. Нам нужно войти.

Ой. Оказывается, он предлагал мне руку. Этот рыцарский жест он сделал настолько резко и по-военному, что я решила, будто он пытается на меня напасть.

Немного смущённая, я всё-таки даю ему свою руку.

– Ты будешь выглядеть так, будто эскортируешь свою бабушку в церковь на Пасху, – замечаю я.

Он снисходит до того, чтобы взять меня за запястье, зажав его между большим и указательным пальцами, словно какой-то особо противный предмет, и решительно тянет через дверной проём в зал.

– Ух ты. – Я оглядываюсь по сторонам, и у меня чуть челюсть не отваливается.

Две тысячи двухмерных Дмитриев хмурятся на меня в ответ. Комната похожа на настоящее святилище ему. С потолка свисают огромные баннеры с его лицом. Стены сплошь увешаны постерами «Дороги в двести лет». На противоположном конце зала гигантский LED-экран сейчас показывает его трейлер. Я, конечно, знала, что этот фильм сосредоточен на нём, но не подозревала, что он там вообще единственный персонаж.

Фотографы выстроились вдоль стен, делая постановочные снимки гостей, жмущих руки друг другу, и спрашивая женщин об их платьях и дизайнерах. И здесь знаменитости. Господи. Повсюду. Я боюсь смотреть кому-то в глаза – вдруг это окажется сама Инна Золотова или кто похуже. Они все стоят маленькими группками, непринуждённо смеются, болтают и ослепляют своими безупречными белоснежными винирами.

А вот я – маленькая, мягкая и стою в платье настолько тонком, что я не уверена, существует ли оно вообще в физическом мире. Кажется, я чувствую каждый сквозняк в этом зале лично и отдельно.

Дмитрий наклоняется ко мне и начинает лаять приказы прямо в ухо.

– Не разговаривай ни с кем, не трогай никого, не флиртуй ни с кем, просто...

– Да, понятно, – перебиваю я. – Буду молчать и даже не смотреть ни на кого. Всё общение оставляю тебе.

Я смотрю на очередной постер Дмитрия с пистолетом в руке и спрашиваю:

– Это ведь весь актёрский состав «Союза» здесь, да? У тебя тут есть друзья?

– Только потому, что ты играешь роль моей девушки, это ещё не даёт тебе права задавать мне личные вопросы, – отрезает он. – Я не плачу тебе за разговоры со мной.

Господи. Я же не просила у него банковские реквизиты или номер паспорта. Я поднимаю на него взгляд.

– Ты же понимаешь, что в большинстве отношений партнёры, знаешь ли, общаются между собой, да? Для удовольствия? Из интереса?

Его ответный взгляд, наверное, оставляет на мне самые настоящие кислотные ожоги. Краем глаза я замечаю, как группа фотографов начинает медленно подкрадываться к нам, как стая голодных гиен.

– Там фотографы, – шепчу я и пытаюсь незаметно показать в их сторону.

– Они все идиоты, – бросает Дмитрий.

Позыв закатить глаза почти невыносим, но я героически сдерживаюсь.

– Ладно, но я уверена, что, хотя бы один из них всё-таки разобрался, как пользоваться камерой. Нам не стоит... ну, поцеловаться, что ли, или обняться, или что-то в этом роде? Для убедительности?

Он глубоко и страдальчески вздыхает.

– Полагаю, нам стоит покончить с этим делом. – Он поправляет меня для лучшего угла и наклоняется. – Только держи язык во рту, иначе ты мгновенно уволена, – бормочет он, прижимаясь губами к моим, прежде чем я успеваю сделать что-то по-настоящему непрофессиональное – ну, например, подавиться от неожиданности.

Я уже делала постановочные поцелуи раньше. С людьми, к которым меня тянуло, и с теми, к кому не тянуло совсем. И никто из них не целовал меня так. Слово мой рот – это разбитая стеклянная бутылка, и они изо всех сил пытаются не порезать себе губы об осколки. Я сильнее прижимаю помаду к его губам, стараясь хоть как-то изобразить страсть.

Константин появляется буквально из ниоткуда, выглядя измотанным и взвинченным.

– Плохие новости, боюсь. – Он резко останавливается. – Что вы, чёрт возьми, делаете?

Дмитрий спокойно отстраняется и тщательно вытирает губы тыльной стороной ладони, словно стирает следы преступления.

– Целуемся.

– Разве не видно? – беспокоюсь я. – Мы что, так плохо изображаем?

– Дима выглядит так, будто пытается реанимировать учебный манекен для сердечно-легочной реанимации, – констатирует Константин. Он поворачивается к камерам и натягивает широкую улыбку. – Теперь не реагируйте бурно, но...

– У тебя есть дезинфицирующее средство для рук? – вдруг прерывает его Дмитрий.

– Что? – Константин явно сбит с толку.

Дмитрий выразительно указывает на меня.

– Она потеет. Держаться за её руку – это как держаться за угря. Можешь отметить себе, чтобы в следующий раз надеть на неё что-то более впитывающее?

Я краснею так сильно, что, кажется, могу осветить весь зал. Константин бросает на Дмитрия чёрный, полный осуждения взгляд.

– Тимофей Соколов здесь, – роняет он.

Жар моментально пронизывает меня насквозь. Мой румянец из локального становится глобальным и яростно охватывает всё тело. О боже. О господи.

Я чувствую, как мышцы в руке Дмитрия мгновенно превращаются в самый настоящий гранит.

– Что? Почему он здесь? – требует он ответа.

– Полагаю, кто-то его пригласил, – пожимает плечами Константин. – Он всё-таки часть франшизы. Технически.

– Тот фильм вышел девять лет назад, и он играл там чёртова обычного гражданского! – взрывается Дмитрий. – Он был на экране меньше трёх минут. У него что, правда так мало дел в жизни?

Боже, ну и придурок же он.

Константин брезгливо смахивает невидимую пылинку с лацкана Дмитрия.

– Я хочу, чтобы ты подошёл, сказал привет и воздержался от удара кулаком в лицо, пожалуйста. Это всё, что я прошу.

Дмитрий выглядит так, будто только что проглотил целую горсть разбитого стекла.

– Я не буду с ним разговаривать. Ни за что.

– Будешь, если не хочешь, чтобы завтра появились новые сочные истории о вашей «продолжающейся кровавой вражде», – парирует Константин. – Тебе правда сейчас нужно с этим разбираться? В такой момент? Просто повтори за мной, как попугай: «Привет. Рад тебя видеть».

– Разве тебе не нравится Тимофей? – неожиданно для себя вмешиваюсь я. – Он всегда казался довольно милым и адекватным. Я, кстати, смотрела его шоу вчера вечером, очень понравилось.

– Он самый манипулятивный, эгоцентричный, высокомерный ублюдок во всей индустрии, – рычит Дмитрий с такой злостью, что я невольно отшатываюсь.

– Правда? – робко бормочу я. – Впечатляюще, если честно. Учитывая уровень конкуренции в этой сфере.

– Держись от него подальше, – приказывает Дмитрий. Он резко поворачивается и смотрит мне прямо в лицо. – Катя. Я абсолютно серьёзно. Не хочу видеть, чтобы ты говорила с ним сегодня вечером. Вообще.

Я демонстративно скрещиваю руки на груди.

Константин смотрит то на него, то на меня, судорожно сжимая губы.

– В братских могилах лежат разлагающиеся трупы друг на друге с большей сексуальной химией и страстью, чем у вас двоих, – наконец объявляет он с каким-то обречённым видом.

Прошло всего около десяти часов с начала нашей работы, и я думаю, мы уже доводим его до самого края нервного срыва.

– Пожалуйста, – продолжает он устало. – Сделайте мне одолжение.

Он берёт руку Дмитрия и с преувеличенной нежностью кладёт её на мою.

– Сделайте любящий зрительный контакт. Ну или хотя бы какой-нибудь зрительный контакт вообще. И улыбнитесь, ради всего святого.

Мой голос звучит едко:

– Разве не покажется немного нереалистичным, если кто-то, с кем он встречается, вдруг будет счастлив? – с сарказмом говорю я. – Не знаю, насколько мы можем рассчитывать, что публика отложит своё недоверие в сторону.

Дмитрий упирает руку в бедро.

– Что конкретно ты хочешь, чтобы я сделал? Притворился, что ты мне нравишься?

– Я просто не понимаю, что у тебя, блин, против меня! – взрываюсь я.

– Позволь объяснить по пунктам, – начинает он ледяным тоном. – Ты следила за мной, как какая-то ненормальная. Ты манипулировала мной, чтобы сделать те фотографии, потому что хотела чего-то от меня. Теперь я должен дать тебе больше трёх миллионов и позволять целовать себя, когда тебе вздумается? Просто смотреть на тебя заставляет меня чувствовать себя отвратительно.

Жар негодования поднимается во мне волной.

– Ради всего святого, ты всё ещё об этом говоришь? Ты же не владеешь всеми улицами Москвы! Это общественное пространство!

Константин в полном отчаянии всплёскивает руками.

– Менеджер Каванова Ольга вон там, мне срочно нужно с ней поговорить о важных вещах. Тан, ты же профессиональный актёр, поработай сверхурочно, приложи усилия. Катя, я

знаю, это невероятно сложно, но пожалуйста, просто притворись на пару часов, что он хотя бы терпим как человек. – Он разворачивается и стремительно уходит.

Дмитрий выпрямляется и смотрит на меня оценивающе.

– Так это медицинская проблема? – вдруг спрашивает он.

– Что именно? – не понимаю я.

– Потливость. Я уверен, мой личный врач может прописать тебе что-нибудь промышленной силы. Там есть очень сильные средства. Когда я был младше и мы жили на ферме, мы иногда даже мазали лошадей человеческим дезодорантом перед соревнованиями. – Он делает паузу, явно размышляя. – Может быть, и тебе это поможет.

Я медленно вдыхаю через нос, пытаюсь хоть как-то остыть и не наброситься на него с кулаками. Устроить публичный семейный скандал на нашем первом официальном свидании, наверное, будет полной катастрофой и провалом всего плана. Честно говоря, я действительно вспотела прилично; и становится только хуже, когда мы начинаем методично кружить по маленьким группкам гостей, обмениваясь вежливой светской болтовнёй ни о чём.

Оказывается, Дмитрий умеет говорить, когда прикладывает хоть какие-то усилия, хотя эта способность у него длится максимум секунд тридцать. Я молча вишу на его руке, изображая из себя улыбающуюся куклу, пока он тащит меня по залу с какой-то бешеной скоростью, проводя один быстрый разговор за другим. Мы мчимся за угол, как пара гоночных машин на финише, когда красивая рыжеволосая женщина внезапно выходит прямо на наш путь.

– Дмитрий Тан, – произносит она. Она демонстративно скрещивает руки на груди и улыбается, показывая очень много зубов.

Дмитрий смотрит на неё совершенно пусто, будто впервые видит.

– Привет... – он делает многозначительную паузу, явно не помня, кто это.

Её улыбка моментально становится хрупкой и натянутой.

– Анна? Лучшая подруга Жанны, помнишь меня? Мы встречались буквально десятки раз. На вечеринках, на показах.

– Верно, – безразлично кивает он.

– Не ожидала увидеть тебя здесь, честно говоря.

Дмитрий задумчиво смотрит на огромный плакат с собой в натуральную величину, висящий буквально в двух шагах от нас.

– Нет? Правда?

– Я думала, тебе будет слишком стыдно показываться на людях. И тебе и должно быть стыдно, между прочим. – Она презрительно фыркает. – Жанна совершенно безутешна, знаешь ли. Вообще не перестаёт плакать.

– Это, безусловно, прискорбно, – монотонно отвечает Дмитрий.

– Она рыдала сегодня всё утро. Просто навзрыд.

– Искренне надеюсь, ты давала ей пить много воды. Обезвоживание – серьёзная штука.

– Перед папарацци тоже ревела, бедняжка. Прямо на улице.

– Я глубоко шокирован этой новостью.

Она сердито хмурится, явно злясь на его безразличие.

– Тебе обязательно стоит позвонить ей. Извиниться как следует. Придётся, конечно, много умолять и просить прощения, но всё ещё не поздно вернуть её.

– Обязательно учту твой совет, – бесцветно отвечает Дмитрий. – А вот, кстати, моя новая девушка.

Он буквально толкает меня вперёд, как маленький ребёнок, гордо показывающий свою новую игрушку взрослым.

Анна медленно осматривает меня с явным замешательством и плохо скрытым отвращением на лице. Что это вообще такое? – спрашивает её лицо. Какой-то червяк? Непонятное существо? Она протягивает мне руку для рукопожатия, но Дмитрий резко качает головой.

– Я бы не советовал её трогать. Она очень липкая.

Анна брезгливо и деликатно отводит руку обратно.

– Как тебя зовут, напомни? – спрашивает она меня с ледяной вежливостью.

– Катя, – говорю я после подозрительно долгой паузы.

Я звучу именно так, будто мне за это платят деньги, и это даже не ложь вообще-то. Я изо всех сил пытаюсь выдавить свою самую большую и искреннюю улыбку.

– Очень рада познакомиться. Ты тоже в фильме снималась?

Она упирает руку в бедро и смотрит на меня с нескрываемым презрением.

– Ой, да ладно тебе, пожалуйста. Ты не можешь просто приходить сюда и изображать из себя всю такую милую и невинную, когда только что разбила сердце моей лучшей подруге на мелкие кусочки, – огрызается она.

Слова бьют меня, как самое настоящее ведро ледяной воды. Я понятия не имею, как правильно ответить на это обвинение.

– Ой, – только и могу заикаться я. – Извини меня, пожалуйста? Я правда не хотела никого обижать.

Она наклоняется ко мне ближе, и в её глазах горит праведный гнев.

– Это всё немного пошло, не находишь? Появляться с ним на публике так скоро после разрыва?

Мой рот беспомощно открывается и закрывается, как у выброшенной на берег рыбы. Я совершенно забыла свою реплику. Я буквально замираю на сцене, как в самом страшном кошмаре.

– Эм, – наконец выдавливаю я. – Ну, ему же нужна была спутница на мероприятие?

Господи боже мой, только представьте себе: вы нанимаете фальшивую девушку для имиджа, а получаете вот меня. Дмитрий должен немедленно воспользоваться своими правами потребителя и потребовать возврат денег.

Анна морщит свои идеальные губы в красивый красный бутон.

– И почему ты вообще так бросилась на него? Не то чтобы ты не знала, что он встречается с кем-то. Это просто жалко выглядит.

– Я, эм, – я отчаянно бросаю взгляд на Дмитрия, молча умоляя о хоть какой-то подсказке.

Помоги мне, пытаюсь прокричать ему телепатически изо всех сил. Я даже выцарапываю это на его руке ногтями. Мигаю азбукой Морзе.

Его слегка поднятая бровь очень ясно и красноречиво говорит мне в ответ: Ты сама этого хотела, детка.

Я растерянно поворачиваюсь обратно к разъярённой Анне.

– Я совершенно честно не знала, что они вместе.

Дмитрий устало вздыхает.

– Потому что мы уже давно не были вместе, – напоминает он мне с нажимом. – Жанна и я окончательно расстались ещё в январе, Анна. Я даже удивлён, что она почему-то не сказала тебе об этом, если вы действительно такие близкие подруги, как ты утверждаешь.

Она презрительно фыркает.

– Как будто я в это поверю! Ты меня за дуру держишь?

– Ты видела нас вместе хоть раз с тех пор? – спокойно говорит Дмитрий. – Кто-нибудь вообще видел?

– Ну, я...

Он решительно тащит меня прочь, пока она всё ещё барахтается в попытках придумать ответ. Его губы оказываются прямо у моего уха.

– Если ты делаешь всё это в тщетной надежде когда-нибудь стать актрисой, можешь сразу сдаться. Ты совершенно ужасна. Катастрофически плоха.

Я ничего не говорю в ответ, просто онемело позволяю ему тащить меня дальше к следующей группе нарядных людей. Моя голова неприятно кружится. Суровая реальность медленно накатывает на меня, как холодная волна.

Я не просто добровольно соглашаюсь притворяться девушкой какого-то избалованного актёра ради денег; я добровольно соглашаюсь стать тем человеком, которого абсолютно все ненавидят. И это привязано не к какому-то вымышленному персонажу – это моё настоящее имя. Моя реальная личность. Константин искренне убеждён, что этот план сработает и люди постепенно начнут меня любить и принимать, но что, если нет? Что если весь мир будет презирать меня за то, чего я даже не делала на самом деле?

Мы проходим мимо маленькой группы высоких моделей в роскошных платьях, и я случайно слышу, как одна из них нарочито громко говорит подругам:

– Никогда не пойму женщин, которые специально охотятся за занятыми мужчинами. Это же просто мерзко. Ей, видимо, даже наплевать, что она цинично разрушает чужие отношения.

Внезапно весь шум в зале становится невыносимо громким и давящим. Я оглядываюсь по сторонам – и куда ни посмотрю, люди подозрительно опускают глаза, встретившись со мной взглядом, и начинают что-то шептать друг другу. Моя голова неприятно плывёт. У меня начинаются ужасные, болезненные флэшбэки к моим театральным дням, когда я впервые столкнулась с публичным осуждением.

Я отчаянно дёргаю Дмитрия за рукав пиджака.

– Можем мы ненадолго взять паузу? – бормочу я, чувствуя приближение панической атаки. – Извини, мне просто нужна секунда передохнуть.

Я честно ожидаю, что он посмеётся надо мной или скажет что-то язвительное, но он неожиданно просто внимательно читает моё лицо и коротко кивает, осторожно касаясь моей поясницы и аккуратно ведя меня к краю комнаты, подальше от толпы.

Я благодарно прислоняюсь спиной к прохладной стене, пытаюсь отдышаться и успокоиться. Дмитрий ловко хватает бокал шампанского у проходящего мимо официанта и молча сует его мне в дрожащую руку.

– Спасибо тебе, – выдыхаю я.

Я жадно глотаю игристое вино почти залпом, едва чувствуя его вкус.

Дмитрий молча отходит на шаг назад и стоит, глядя на меня, как настоящий телохранитель. Это, честно говоря, не сильно помогает моим и без того расшатанным нервам.

– Это платье виновато? – вдруг требовательно спрашивает он через пару минут молчания.

– Мм? – Я непонимающе смотрю вниз на себя.

У меня рука невольно скрещена на груди, как у скромной модели в классной художественной обнажёнке.

– Платье приносит тебе дискомфорт? – Он подозрительно шурится на него, словно только сейчас заметил, что я практически голая. – Оно очень... просвечивает насквозь.

– Думаю, у него плотность нитей где-то в районе однозначных цифр, – мрачно говорю я. – Я лично старательно насчитала всего восемь ниток.

Он удивлённо хмурится.

– Тебе стоило что-то сказать.

Я делаю ещё один глоток шампанского, и пузырьки больно щиплют нёбо.

Он тяжело вздыхает.

– Подожди здесь, – бросает он и, развернувшись, уходит прочь.

И вот так я остаюсь одна.

Я отступаю к стене, пытаюсь раствориться в тених и стать невидимкой. Думаю, он вернётся через минуту, ну максимум через две. Но проходит пять минут. Потом десять. Пятнадцать. Я пишу Роману короткое сообщение с обновлением ситуации. Проходит ещё пять томи-

тельных минут, и экран телефона начинает расплываться перед глазами. Я аккуратно убираю его в клатч и глубоко вдыхаю, когда знакомая дрожащая волна паники медленно накатывает на меня, как цунами.

Он ушёл.

Просто взял и оставил меня здесь. Я застряла в комнате, набитой знаменитостями, которые, наверное, все до единого смеются надо мной прямо сейчас. На меня направлены камеры со всех сторон. А я понятия не имею, что мне делать дальше.

Помню те времена, когда «тревога» ощущалась как порхание бабочек в животе, а не так, будто кто-то накинул мне на голову мешок и швырнул в болото. Эх, золотые были деньки.

Я изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Мне было велено стоять красивой молчаливой статуей, но я по опыту знаю: если не перегруппируюсь прямо сейчас, меня накроет паническая атака, и я рухну на пол. А это, думаю, будет выглядеть ещё хуже. За углом я замечаю стол с закусками и сразу же направляюсь к нему, словно он – моя спасательная шлюпка. Стол буквально ломится от угощений: крошечные стейки, мини-бутерброды размером с напёрсток, разного вида закуски с икрой. Я тупо смотрю на аккуратную пирамиду из розовых и белых пирожных, пытаюсь сосредоточиться хоть на чём-то. Вечеринка гудит и размывается вокруг меня, превращаясь в какое-то месиво звуков и огней, и мне приходится схватиться за край стола, чтобы не покачнуться.

– Я бы рекомендовал клубничный, – раздаётся мужской голос прямо за моей спиной, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности.

Я быстро наклеиваю на лицо улыбку и оборачиваюсь. Тимофей Соколов ухмыляется мне сверху вниз, будто действительно искренне рад меня видеть. И я чуть не умираю на месте от сердечного приступа, вызванного внезапной влюблённостью.

О боже, он гораздо привлекательнее вблизи. Мягкие каштановые волосы с лёгкой волной. Веснушки, рассыпанные россыпью по переносице и носу. Высокие, красивые скулы, словно их лепил сам Микеланджело в особенно вдохновлённый день. Он ловко подхватывает мою сумочку, прежде чем она успевает шлёпнуться на пол.

– Извини, не хотел тебя напугать! – голос у него приятный, тёплый. – Я увидел, что ты стоишь здесь совсем одна, и подумал, что приду тебя спасти. – Он указывает на башню из пирожных. – Ванильный, кстати, тоже очень хороший выбор.

Я просто таращусь на него, как идиотка. Рот приоткрыт, глаза расширены – полный набор.

На его лице появляется лёгкое беспокойство.

– Ты в порядке, милая?

Я встряхиваюсь, возвращаясь в реальность.

– О, чёрт. Прости. Эм. Спасибо. Привет. Да. – Красноречие – это определённо моя сильная сторона. Просто Цицерон в юбке.

– Я Тимофей. – Он протягивает руку для рукопожатия.

Я второпях вытираю свою вспотевшую ладонь о платье, прежде чем пожать её, всё ещё пребывая в лёгком ступоре. Не знаю, что удивляет меня больше – то, что Тимофей Соколов добровольно со мной разговаривает, или то, что не все знаменитости оказываются разочаровывающими придурками в реальной жизни. Чудеса случаются.

– Я знаю, кто ты, – выпаливаю я. – Я обожаю тебя в «Королевах и Любовниках». Буквально вчера вечером смотрела, всю ночь не спала.

– Спасибо! – он улыбается. – Ты Катя, да? – Я уставилась на него, и он легко посмеивается, непринуждённо опираясь на стену рядом со мной. – Я тоже знаю, кто ты. Пиарщики нашей студии не затыкаются о тебе последние два дня. Между нами говоря, не стесняйся сказать Диме, что это немного свинский ход – устраивать международный скандал прямо во время пресс-тура.

– О нет, – говорю я слабо, с тоской оглядываясь на толпу. – Они все, наверное, ненавидят меня теперь.

– Нет, что ты, – он машет рукой. – Мы работали с Димой восемь лет, мы прекрасно знаем, какой он. – Он выбирает пирожное с розовой глазурью и медленно, почти театрально снимает обёртку. – Как ты вообще справляешься со всем этим цирком?

– Эм. – Фотограф замечает, что мы разговариваем, и начинает подкрадываться ближе, как будто я не вижу, что он направляет на меня камеру размером с небольшой огнемёт. – Нормально, наверное. Просто я не привыкла, чтобы столько людей одновременно хотели меня фотографировать. Обычно меня вообще никто не фотографирует.

Люстры отражаются в глазах Тимофея маленькими звёздочками, как в кино.

– Ты стеснительная, – констатирует он. – Мы нечасто такое видим здесь, в нашей тусовке. Это мило. – Звучит так, будто он слегка дразнит меня, но по-доброму. Это всё должно быть какой-то сценой из сна, честное слово. Он откусывает аккуратный кусочек пирожного, демонстрируя полоску идеально белых зубов. – Не переживай так. Привыкнешь быстрее, чем думаешь. На самом деле... – он шарит в кармане пиджака, и я на мгновение позволяю себе восхищаться, как же хорошо сидит костюм на его широких плечах. Конечно без галстука и жилета не совсем то, но пошив всё равно отличный, явно дорогой. Он протягивает мне визитку. – Звони, если что-то понадобится, ладно? Я люблю болтать с новичками, вы все такие милые и растерянные.

Мои щёки, наверное, светятся как флуоресцентные лампы.

– Я... спасибо. Ого. Это так мило с твоей стороны!

Он только пожимает плечами и ухмыляется, отступая в сторону, когда рядом появляется официант с подносом, звенящим бокалами шампанского.

– О, извини, приятель. Не хотел мешать работе. – Теперь Тимофей стоит так близко, что наши руки почти соприкасаются. Я сейчас упаду в обморок прямо здесь, на этом шикарном ковре. – Так, как тебе жизнь с Димой? Я его не видел целую вечность.

– Ах, да. Он... эм... хороший, – неуверенно уклоняюсь я от прямого ответа.

Тимофей запрокидывает голову и смеётся. Это громкий, привлекающий внимание актёрский смех, и головы тут же поворачиваются к нам со всех концов зала. Как по команде.

– Хороший? – переспрашивает он. – Серьёзно? Сколько он тебе платит, чтобы ты такое говорила?

Я натянута, жеманно улыбаюсь в ответ.

Он взглядывает куда-то через моё плечо, и его глаза вдруг вспыхивают.

– О. Лёгко на помине.

Я оборачиваюсь и вижу Дмитрия, решительно пробирающегося через толпу к нам, с зелёным пиджаком Константина, небрежно перекинутым через руку. Выглядит он так, будто собирается совершить как минимум убийство. Причём с особой жестокостью. Что довольно нагло с его стороны, поскольку он бросил меня одну больше чем на полчаса. Когда он подходит вплотную, он молча протягивает ко мне руку. Я автоматически шагаю вперёд, и он накидывает пиджак на мои плечи, бережно застёгивая его на груди.

– Спасибо, – говорю я немного жёстко. – Не обязательно было.

– Ты устала? – глухо бормочет он.

Он проявляет реальный интерес к моим чувствам и благополучию? Невероятно. Если можно умереть от шока, я уже призрак.

– Я в порядке.

Он медленно кивает, переваривая информацию.

– Я подумал, может быть, ты настолько в бреду от усталости, что просто забыла, с кем ты вообще должна встречаться. Может, стоит носить мою фотографию в кошельке, если я такой незапоминающийся для тебя.

К счастью, Тимофей вмешивается, прежде чем я начну плакать или сделаю что-то столь же жалкое и унижительное.

– Тан, – приветствует он, сияя улыбкой. – Давно не виделись, старик.

Дмитрий выпрямляется во весь рост, крепко подтыкая меня под руку, как багаж.

– Это было абсолютно намеренно с моей стороны.

Тимофей только добродушно смеётся.

– Да, да. Ты не сильно изменился за эти годы. Как дела вообще, приятель? Я слышал краем уха, тебя выкинули из нового фильма Алексея Мансура. Очень жаль.

– А я слышал, что каждый фильм, в котором ты снимался последние четыре года, с треском провалился в прокате, – парирует Дмитрий. – Как тебе нравятся низкобюджетные подделки под «Бедную Настю»? Ты раньше никогда не упоминал особый интерес к мыльным операм.

Улыбка Тимофея становится заметно натянутой.

– «Королевы и фавориты» – это историческая драма, – произносит он подчёркнуто ровно. – В любом случае, у меня есть новый проект в разработке. – Он делает паузу. Если он ждёт, что Дмитрий вежливо попросит его развить мысль, мы будем стоять здесь до тех пор, пока время не сотрёт наши скелеты в пыль. – Я собираюсь попробовать себя в режиссуре. Полнометражный фильм. Ты никогда этого не делал, правда?

– Я в целом считаю, что люди, которые не умеют режиссировать, не должны за это браться, – отвечает Дмитрий. Он очень легко, почти невесомо касается верха моих волос, будто смахивает пушинку или пылинку. Я невольно вздрагиваю от неожиданности, и он тут же опускает руку. – Что именно ты делал с моей девушкой, пока меня не было?

– О, – Тимофей ласково улыбается мне. – Просто болтали о жизни. У нас был очень милый разговор, не так ли?

Мой мозг сразу же коротит опять, как перегоревшая лампочка.

– Я, э, эм, наверное. Эм... Да.

Голос Дмитрия становится суше, чем самые пересушенные хлебные лепёшки.

– О, Конфетка здесь определённо отличный собеседник. Я искренне удивлён, что ты вообще смог угнаться за беседой.

– Ну, тебе крупно повезло, – Тимофей подмигивает. – Она милая маленькая штучка.

– Забавно, я тоже иногда зову её штучкой, – хмыкает Дмитрий. – Как ты узнал? – Он явно решает, что социальный долг выполнен в полной мере. Разворачивает меня прочь одним движением. – Ну что ж. Было приятно увидеться.

Тимофей быстро хватается за руку, останавливая.

– Подожди секунду, не уходи. Несколько из нас тут думали устроить что-нибудь для Ангелины в следующем месяце. Маленькую встречу с её фанатами или что-то в этом духе. Я подумал, ты наверняка захочешь поучаствовать.

Момент звенящей тишины, а затем Дмитрий делает резкое, внезапное движение, будто собирается наброситься на другого мужчину. Я автоматически, не раздумывая, встаю между ними, одновременно спасая репутацию Дмитрия и жизнь Тимофея. Нет абсолютно никаких сомнений, кто выиграет эту драку. Тимофей, наверное, слишком воспитанный и вежливый, чтобы даже просто ударить кого-то.

Руки Дмитрия жёстко обхватывают мою талию и сжимают. Это совсем не романтический жест; он откровенно пытается отодвинуть меня в сторону, как назойливую помеху.

– Екатерина. Отойди, – цедит он сквозь зубы.

Я упираюсь ногами и твёрдо стою на месте в своих маленьких каблуках.

– Нет. И выучи уже, наконец, моё имя нормально.

Тимофей выглядит искренне растерянным происходящим.

– Есть какая-то проблема, приятель? Я думаю, это будет хорошее мероприятие. Мы могли бы брать по пять тысяч рублей за билеты, чтобы покрыть все расходы. Может быть, даже стримить в прямом эфире для тех, кто не сможет приехать.

Дмитрий буквально стряхивает меня с себя, как надоедливую муху. Его лицо краснеет пугающе.

– Я, клянусь...

Я вдруг с ужасом осознаю вспышки камер вокруг нас: фотографы уже все поняли, что здесь что-то происходит интересное. Это нехорошо. Очень нехорошо. Дмитрий совсем, абсолютно не выглядит влюблённым в меня прямо сейчас. Если они вырежут Тимофея из фотографии, наверное, будет выглядеть так, будто Дмитрий хочет меня убить и перемолоть мои кости между зубами. Это наш официальный публичный дебют как пары, и пока мы просто ужасны. Полный провал. Я быстро взглядываю через его плечо и вижу Константина, выглядящего откровенно паникующим.

Мне внезапно приходит ужасная, безумная идея.

Я резко поворачиваюсь и хватаю пирожное из аккуратно сложенной пирамиды, глубоко окуная пальцы в густую, липкую глазурь. Дмитрий открывает рот, чтобы сказать что-то окончательно разрушающее жизнь, но прежде чем он успевает произнести хоть слово, я решительно тянусь вверх и размазываю красивую розовую глазурь по всей стороне его лица. Щедро так, от души.

Тупой гул в комнате мгновенно останавливается. Все как один поворачиваются смотреть на нас. Я даже слышу коллективный вздох, как в плохом кино.

На момент я думаю, Дмитрий слишком шокирован случившимся, чтобы вообще двигаться. Он просто смотрит на меня немигающим взглядом, его тело медленно деревенеет, а глаза темнеют до чёрного, как ночь.

– Что. Ты. Делаешь? – рычит он низко и угрожающе. Он выглядит по-настоящему опасным сейчас – лев, готовый вгрызться в добычу.

– Подыграй мне, – быстро шиплю я уголком рта. – Пожалуйста.

Его скулы горят красным. Он медленно, нарочито вытирает висок, внимательно смотрит на розовое месиво на своей руке, затем наклоняется так, что наши лица оказываются всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Прядь его волос падает и касается моей щеки. Я невольно задерживаю дыхание. Кажется, я смотрю смерти прямо в лицо.

Он медленно тянется и размазывает свои сахаристые, липкие пальцы по всем моим идеально, с таким трудом выпрямленным волосам. Я чувствую каждое его прикосновение до самых корней. Моя кожа головы приятно покалывает от отпечатка большой мужской руки. Я буквально вибрирую от странной энергии, пульсирующей между нами. На долгий момент мы просто смотрим друг на друга, напряжённые и тяжело дышащие.

Тимофей вдруг заливисто смеётся, большим и гремящим смехом, и наш маленький напряжённый пузырь мгновенно лопается.

– Вот чёрт, – качает он головой. – Знаете, я оставлю вас двоих разбираться с этим всем, пойду лучше поговорю с Гошей. Не беспокойся о присоединении к мероприятию, если не хочешь, Дима. Никакого давления. Я прекрасно знаю, ты немного одинокий волк по жизни. – Он дружески подмигивает мне на прощание, проходя мимо. – Увидимся, милая. И удачи тебе с ним, он настоящая горсть проблем.

После того как он уходит, Дмитрий держит меня в этой позе ещё несколько долгих секунд, явно позволяя камерам как следует вспыхивать вокруг нас; затем резко опускает руки и уходит прочь, на ходу вытирая лицо. Я остаюсь стоять совсем одна, всё ещё сжимая в руке это глупое надкусанное пирожное, пока знаменитости весело смеются и оживлённо болтают вокруг меня, обсуждая происшествие.

Глава 9

Когда я вхожу в номер гостиницы ровно в восемь утра следующего дня, первое, что я вижу – это Дмитрий, сидящий в гордом одиночестве за обеденным столом. Вокруг него расставлено то, что выглядит как абсолютно каждое блюдо из меню рум-сервиса, причём в двойном экземпляре. Огромные тарелки с яйцами-пашот, яичницей-глазуньей и яйцами-болтуньей. Колбаски, сосиски и какие-то подозрительно аристократические грибы. Корзины с тёплыми круассанами, булочками и тостами трёх видов. Большие серебряные чайники, из которых валит пар, и стеклянные кувшины с соком всех цветов радуги.

– Ух ты. Привет. – Я осторожно сажусь на стул напротив него и беру первый попавшийся круассан. – Загружаешься углеводами перед марафоном? Или готовишься к зимней спячке?

Он даже не поднимает глаз, слишком занят тем, что угрюмо смотрит на своё отражение в чашке чёрного кофе, словно ожидая, что оно скажет что-то умное.

Ладно, значит, так.

– Ты вообще знаешь, чем мы займёмся сегодня? – пытаюсь я завести беседу.

Нет ответа. Даже бровью не повёл.

– Гм. Слушай, извини за вчерашнюю историю с пирожным. Я правда не хотела тебя смущать перед всеми этими людьми.

Ничего. Тишина гробовая.

– Ты никогда не думал о карьере в немом кино? – не сдаюсь я. – Серьёзно думаю, ты мог бы в одиночку возродить весь жанр. Чаплин нервно курит в сторонке.

Ни малейшего отклика. Я начинаю подозревать, что он вообще не дышит.

К счастью, Константин появляется как раз в тот момент, когда я в отчаянии готова воткнуть себе ложку в глаз просто для разнообразия.

– Катя! – Он широко улыбается мне и со звонким стуком опускает трость на ножку стула Дмитрия.

Дмитрий встаёт, как заводной робот, и механически подкатывает один из стульев от письменного стола поближе, пока Константин занимает его тёплое место, небрежно швыряя на стол здоровенную стопку глянцевого журналов.

– Доброе утро, дорогая! Как ты себя чувствуешь сегодня? – Он сразу же начинает накладывать на свою тарелку просто невероятные порции каждого блюда, до которого может дотянуться.

– Я вполне в порядке, спасибо. А ты как?

– Отлично, просто отлично! – Дмитрий садится обратно и тянется за своим кофе, но Константин молниеносным движением выхватывает чашку прямо из его пальцев.

К моему полному изумлению, Дмитрий просто закатывает глаза, вздыхает с видом многострадального мученика и наливает себе другую порцию из чайника. Если бы я попыталась такое проверить, то, наверное, осталась бы без руки. А может, и без обеих.

– Спасибо, что пришла так рано, – продолжает Константин между укусами. – Я подумал, что очень важно, чтобы вы двое хорошенько поговорили перед началом всех этих интервью.

Я бросаю взгляд на Дмитрия.

– Гм. Не уверена, что он вообще хочет со мной разговаривать. Или с кем-либо ещё, если честно.

Константин беззаботно отмахивается вилкой.

– А, не бери в голову. Он полностью невербален, пока не выпьет минимум пять чашек кофе. В этом состоянии он не хочет говорить вообще ни с кем. Даже со мной. Даже сам с собой, я подозреваю.

– Серьёзно? Целых пять? – Я сама слишком взвинчена с самого утра, чтобы пить кофе. Мне нужно держать давление в норме, а не устраивать сердцу американские горки. Я перебираю разноцветные пакетики с чаем и бросаю клубничный в свою чашку.

– В среднем он выпивает около пятнадцати чашек в день, – спокойно сообщает Константин. – Я уже серьёзно подумываю установить ему капельницу напрямую в вену. Сэкономим время.

Кто, чёрт возьми, пьёт пятнадцать чашек кофе в день? Он что, оживший труп, работающий исключительно на кофеине? Я невольно вздрагиваю, когда Дмитрий молча берёт чайник и аккуратно наливает кипяток прямо на мой пакетик.

– Спасибо, – бормочу я.

Никакого отклика. Он снова превратился в статую.

– Итак. – Константин уже накладывает на другую тарелку пышные блинчики с черникой. – Я хотел серьёзно обсудить вчерашний вечер.

Я решаю, что защищаться нужно сразу и решительно.

– Насчёт той истории с пирожным...

– Ты – натуральный талант, золото моё, – перебивает он меня, и глаза его прямо искрятся восторгом.

Я моргаю, не веря ушам.

– Я? Талант?

Константин энергично кивает.

– Дима выглядел так, будто вот-вот кинется в драку и начнёт крушить всё вокруг. А это вызвало бы серьёзнейшие проблемы, учитывая, что его репутация и так уже где-то на самом дне. Но ты мгновенно разрядила всю эту взрывоопасную ситуацию и превратила её в милый романтический момент – всё в один присест. Очень, очень впечатляюще, должен сказать.

– О. – Я чувствую приятный лёгкий прилив счастья, согревающий изнутри. – Значит, вчерашний вечер всё-таки не прошёл совсем уж плохо?

– Ну, я ещё не дошёл до по-настоящему плохой части, – вздыхает Константин и передаёт мне толстый журнал, открывая его на заранее отмеченной закладкой странице.

Горяще-розовый заголовок буквально кричит мне в лицо:

«Завораживающая пара: Фанаты в шоке говорят, что первое публичное появление Дмитрия Олеговича Тана с новой девушкой больше похоже на классическую ситуацию с заложником.»

– О, – выдавливаю я из себя. – Значит, всё-таки хуже некуда?

Константин задумчиво потягивает украденный кофе.

– На самом деле там целый разворот на три полноценные страницы. С фотографиями и экспертными мнениями.

Я с ужасом переворачиваю страницу и принимаюсь разглядывать фотографии, где мы якобы позируем вместе. Моё лицо смертельно бледное и блестит от пота. У меня глаза перепуганной до смерти лани, которая только что увидела фары грузовика. Рука Дмитрия на моём плече выглядит так, будто он физически пытается удержать меня от неминуемого побега.

– О боже. О нет. Мне так жаль, правда.

– Не думаю, что в своей жизни я когда-либо видел двух людей с меньшей химией друг с другом, – философски размышляет Константин, качая головой. – Это просто удивительно, если честно.

– Может быть, надеть ей каблук повыше? – предлагает он после паузы. – Это могло бы сделать вас чуточку менее неловкими вместе. Хотя бы визуально.

Я морщусь.

– Не думаю, что мой рост тут главная проблема, если честно.

Очевидно, Дмитрий уже выпил достаточно драгоценного кофеина, чтобы его голосовые связки наконец-то заработали.

– Нет, – говорит он, медленно ставя чашку на блюдце. – Всё дело в её лице.

– Дима! – возмущённо фыркает Константин.

Он нетерпеливо машет рукой.

– В её макияже, я имею в виду. Что, чёрт возьми, делал тот горе-стилист вчера вечером? Она выглядела просто ужасно. Сейчас она выглядит в сто раз лучше, и это даже несмотря на крошки, рассыпанные по всей её крайне неудачной футболке.

Я беру чай обеими руками и глубоко вдыхаю сладкий клубничный пар, пытаюсь успокоиться.

– Что именно ты имеешь в виду под «неудачной»?

– Я имею в виду, что это, без преувеличения, самая уродливая футболка, которую я видел за всю свою сознательную жизнь.

Я опускаю взгляд вниз на себя. Футболка действительно неоново-жёлтая, ядовитая почти, с крупной надписью «П.У.Ф.» фиолетовыми буквами. Это память с благотворительного забега, который организовал Роман пару лет назад, собирая деньги на собак-терапевтов для детских больниц. Десять километров по жаре. Я чуть не умерла где-то на седьмом километре.

– Это с благотворительного мероприятия, между прочим, – говорю я с достоинством.

– Единственный настоящий акт милосердия по отношению к человечеству – немедленно сжечь эту вещь, – парирует он невозмутимо.

Меня пронзает острая вспышка защитного чувства. Роман так много работает в П.У.Ф., вкладывает туда всю душу. Он отдаёт этому делу всё своё свободное время, всё, что у него есть. А этот избалованный придурок зарабатывает за один месяц больше, чем большинство нормальных трудяг за всю свою жизнь, и ещё имеет наглость критиковать чужую благотворительность.

Константин всё ещё сосредоточенно разглядывает наши фотографии, прищурившись.

– Невероятно, просто невероятно. Вы оба действительно выглядите так, будто вас держат под прицелом снайперской винтовки. Потрясающе плохо.

Дмитрий рассеянно крутит одну из своих дорогих запонок.

– Ну, может быть, в следующий раз она сосредоточится на своей непосредственной работе, а не будет игнорировать мои прямые указания и заводить новые знакомства направо и налево, – предлагает он с язвительной интонацией.

Я давлюсь чаем и начинаю кашлять.

– Прощу прощения? Я тебя не игнорировала!

– Я дал тебе одно совершенно чёткое указание. Не разговаривать с Тимофеем Соколовым ни при каких обстоятельствах. Я отвернулся буквально на тридцать секунд, а ты уже болтаешь с ним под ручку, как лучшие подруги. Ты либо полностью проигнорировала мои слова, либо тебе срочно нужен хороший невролог.

– Вообще-то ты дал мне около пятидесяти разных указаний за вечер, одно из которых было вообще не говорить ни с кем, – огрызаюсь я. – Я не уходила специально говорить с Тимофеем. Он просто увидел, что я стою совершенно одна целых полчаса, и по-человечески пожалелся надо мной.

Я тычу пальцем в злосчастную фотографию.

– Я выгляжу напуганной именно потому, что ты меня бросил посреди толпы незнакомых людей. Я понятия не имела, что мне делать. Не знала, бросил ли ты меня окончательно, и пора ли мне вызывать такси и ехать домой. Не знала, не устроил ли ты вообще всё это представление просто для того, чтобы меня публично унижить.

Он выглядит искренне оскорблённым.

– Я бы никогда так не поступил.

– Откуда мне было это знать? – Я сама поражаюсь тому, что говорю всё это вслух, но остановиться уже не могу. – Ты не был особенно приветливым со мной до сих пор, мягко говоря, а я провела с тобой в общей сложности всего пару часов.

Наверное, единственный бонус его постоянной грубости в том, что я совершенно перестала стесняться. Просто безмерно раздражена.

– Я не хотел оставлять тебя одну так надолго, – говорит он более жёстким тоном. – У меня возникла серьёзная проблема с безопасностью, которую нужно было решать немедленно.

– Что случилось? – интересуюсь я. – Тебя опять прижала к стене какая-нибудь настойчивая женщина? Судя по всему, с тобой это происходит довольно часто.

Он мгновенно ощетинивается.

– Это совершенно не твоё дело.

Константин методично поглощает весь роскошный омлет примерно за три гигантских укуса, даже не поперхнувшись.

– Он пошёл за своим пиджаком в гардероб, по какой-то непонятной причине, и внезапно выяснилось, что тот бесследно пропал. Вероятнее всего, украден кем-то из обслуживающего персонала. А в кармане лежал его кошелек со всеми банковскими картами, так что ему пришлось потратить кучу времени, названивая в банк и срочно блокировать все карты одну за другой.

У меня неприятно опускается желудок.

– О господи. Это же ужасно. Ты вообще в порядке?

Дмитрий непонимающе хмурится.

– Почему мне не быть в порядке?

– Ну, тебя только что обокрали среди бела дня?

Он моргает несколько раз, явно озадаченный моим вопросом, потом резко меняет неудобную тему.

– Соколов на самом деле не интересуется тобой по-настоящему, как личностью, он просто отчаянно, патологически хочет внимания прессы. Он готов сделать абсолютно что угодно, чтобы его фотография попала хоть в какой-нибудь журнал.

Крохотное зерно симпатии к нему мгновенно испаряется без следа.

– Зачем ему так нужно внимание? – удивляюсь я. – Он же почти так же знаменит, как ты, разве не так?

Дмитрий презрительно фыркает.

– Он скатился от больших блокбастеров к дешёвым историческим сериалам на второсортных каналах. Сейчас никто нормальный не хочет с ним работать.

– И почему же? – интересуюсь я. – Он невыносимая дива? Капризничает на площадке?

Я вспоминаю его страницу на Кинопоиске, которую изучала вчера.

– Хотя я слышала, что у тебя самого есть отвратительная привычка уходить со съёмочной площадки посреди фильма, бросая всех. Очень, знаешь ли, профессионально.

Повисает тяжёлая тишина на несколько долгих секунд. Потом Дмитрий наглядно демонстрирует именно этот свой замечательный навык – резко встаёт и решительно выходит из комнаты, хлопнув дверью.

– Вернись сюда через пять минут, Тан! – громко кричит Константин ему вслед. – Не дуйся!

Дверь захлопывается с финальным шелчком.

Я задумчиво верчу в руках круассан.

– Почему он так ненавидит Тимофея? Что между ними произошло?

Константин выглядит задумчивым, жуя блинчики.

– Много лет назад Тимофей и Дмитрий оба пробовались на главную роль в «Страже». Тогда у Тимофея было гораздо больше опыта работы в кино, и он, наверное, действительно

объективно лучше подходил для этой конкретной роли по всем параметрам. Если бы его взяли, его карьера была бы обеспечена на всю оставшуюся жизнь, так что он, естественно, очень сильно расстроился, когда неожиданно проиграл Диме. Он наделал громких заявлений в прессе, прозрачно намекая на то, что Дима получил эту роль исключительно благодаря связям своей влиятельной матери.

– И всё? – Я качаю головой. – Чёрт возьми, Дмитрий же ведёт себя так, будто Тимофей лично убил всю его семью и сжёг дом.

Я хмурюсь, вспоминая.

– Кстати, а кто вообще его мама? Она правда настолько влиятельная?

Резкий стук в дверь внезапно прерывает нашу беседу.

– Входите! – приветливо зовёт Константин.

В номер входят двое консьержей в одинаковой форме.

– Пришли всё настраивать для интервью, – сообщает один.

– Проходите, проходите, не стесняйтесь. Скажите, если понадобится какая-то помощь, – тепло говорит Константин, параллельно крадя огромный кусок хрустящего тоста прямо с тарелки Дмитрия.

Он поворачивается ко мне.

– Теперь слушай внимательно, Катя. В этот номер сегодня будут постоянно заходить и выходить очень много разных репортёров, и абсолютно все они тебя сразу же узнают. Поскольку ты пока ещё очень мало знаешь о Дмитриии и вашей якобы совместной жизни, пожалуйста, просто вежливо извиняйся и уходи от ответа, когда они начнут задавать тебе каверзные вопросы. Журналисты обычно бывают очень, очень хитрыми и изворотливыми.

Я моргаю, не веря.

– Ты вообще не хочешь, чтобы я что-то говорила? Просто сидела молча где-то за кадром, как мебель?

Константин слегка морщится.

– Будет лучше для всех, если следующие пару дней ты просто спокойно наблюдаешь со стороны и немного поучишься, я так думаю. Это действительно очень много всего сразу, к чему нужно постепенно привыкнуть, и один необдуманный комментарий может моментально сделать всю нашу тщательно продуманную договорённость совершенно бесполезной.

– Но если ты совсем не хочешь, чтобы я разговаривала с репортёрами, то зачем я вообще здесь? – не понимаю я. – В чём смысл?

– В основном просто для вида, для картинки, – объясняет он. – Это отличная возможность для того, чтобы медиа со всего мира своими глазами увидели вас двоих вместе в одном помещении. Я тебе гарантирую, что абсолютно все они обязательно сообщат своим читателям о милой влюблённой девушке Дмитриия, которая преданно сидит рядом на всех его интервью.

Он понимающе улыбается.

– Боюсь, это будут очень, очень скучные дни для тебя, дорогая.

Я честно уверяю его, что буду только рада скуке. Скука в тысячу раз лучше, чем вчерашний животный ужас.

Пока Константин методично доедает практически все оставшиеся остатки роскошного завтрака, я с любопытством наблюдаю, как консьержи деловито отодвигают обычную гостиничную мебель в сторону и устанавливают профессиональную маленькую станцию для интервью в дальнем углу комнаты. Два удобных кресла, камеры на штативах, направленные на них, яркие софиты и огромный макет постера фильма в качестве фона.

Как только настенные часы бьют ровно девять, номер стремительно начинает заполняться людьми, пока в относительно небольшом пространстве не набирается по крайней мере десять человек с планшетами, массивными наушниками и профессиональными микрофонами на длинных штангах.

Дмитрий возвращается из своего добровольного изгнания, демонстративно игнорируя абсолютно все дружелюбные приветствия, и идёт напрямик к своему назначенному креслу, садясь с видом приговорённого к казни. Константин осторожно направляет меня в укромный угол, где я точно никому не буду мешать.

Первая интервьюерша устраивается в своём кресле напротив, изящно скрещивая длинные, странно блестящие ноги.

– Дмитрий. Такая невероятная радость видеть вас снова! – щебечет она.

– Здравствуйте, Наталья, – говорит он подчёркнуто скучающим тоном.

– Похоже, я ваша самая первая на сегодня, – кокетливо улыбается она, поправляя юбку. – Хотите, чтобы я вас как следует разогрела перед началом?

– Нет, спасибо.

– Как пожелаете. – Она привычно взбивает свои густые волосы руками, явно давно привыкшая к его манерам.

Оператор начинает обратный отсчёт, показывая пальцами. Дмитрий откровенно смотрит на свои дорогие часы.

И затем начинаются самые сюрреалистичные восемь часов моей жизни.

Глава 10

Как только камеры начинают работать, Наталья зажигается, словно гирлянда новогодних огней – вся искрящаяся, яркая, просто ослепительная.

– Привет, дорогие зрители! – сияет она так, что хочется надеть солнцезащитные очки. – Сегодня у нас настоящий подарок! Вы никогда не догадаетесь, кто наш загадочный гость!

Дмитрий буквально в кадре, прямо перед камерой, так что зрителям дома, думаю, будет нетрудно угадать. Он устало кивает в камеру.

– Рад быть здесь, – откровенно лжёт он.

Она весело хихикает.

– Итак, Дмитрий, скажите: в фильмах главный герой Страж обладает силой создавать силовые поля. Если бы у вас была суперсила, какая бы это была?

– Невидимость.

– О-о, чтобы пробираться в секретные места? Подслушивать разговоры?

– Чтобы люди оставляли меня в покое.

Я обожаю смотреть клипы с интервью из фильмов на RuTube, так что довольно интересно видеть, что происходит за кулисами. Пока репортёрша проходит по списку вопросов о фильме, Константин стоит вне кадра, хмуро глядя на неё каждый раз, когда она сбивается с темы. Он невербально направляет ответы Дмитрия на более сложных вопросах. У этих двоих целая система молчаливого языка – язык, полный закатываний глаз и поднятий бровей. Там даже, кажется, немного настоящего языка жестов.

Интервью длится десять минут, и женщина даже не успевает выйти за дверь, как следующий репортёр – красивый темноволосый мужчина – уже сидит на её месте. Процесс начинается заново. Он задаёт точно такие же вопросы. Дмитрий даёт точно такие же ответы, даже с теми же интонациями. Я моргаю, гадая, не шутит ли мой разум со мной. Может, меня загипнотизировали?

Заходит следующий репортёр, и те же десять минут повторяются снова. И снова. И снова, часами. Каждый журналист задаёт один и тот же список вопросов, как заведённый. Я попала в какую-то временную петлю. Моя жизнь – заикленный DVD-диск. Я занималась прессой для театра раньше, но это в основном значило просто играть спектакль перед кучей критиков, а потом делать горстку интервью, пока все не устанут, не напьются или не заскучают. Это же больше похоже на технику усиленного допроса. Журналисты ждут, пока Дмитрий полностью сломается, а потом потребуют данные его банковской карты? Пин-код от телефона?

За секунды до того, как я окончательно сойду с рельсов, Константин смотрит на часы.

– Пятнадцатиминутный перерыв, – объявляет он, и два курьера входят в комнату и начинают раздавать обед.

Мне радостно передают коробку с салатом «Цезарь» с курицей! Я никогда не была так рада видеть салат!

Константин что-то бормочет Дмитрию на ухо, и Дмитрий машет мне рукой.

– Накорми меня, – приказывает он.

– Чего?

Он хмурится, указывая на мой салат.

– Накорми меня этим.

Он хочет, чтобы я ещё вышла и нарвала пальмовых листьев, чтобы обмахивать его, пока он ест?

– У тебя же свой есть, нет?

– Это романтично, – отрезает он.

О. Понятно. Я украдкой оглядываю комнату. Один из членов съёмочной группы всё ещё наводит камеру на нас, пытаюсь выглядеть непринуждённо, пока зумит объектив.

Я беру вилку, потом нерешительно зависаю на секунду. Будет выглядеть довольно глупо, если я просто встану рядом и буду кормить его, как римская служанка, болтающая гроздью винограда перед его лицом.

– Можно мне – сесть?

– Полагаю, стоит.

Я осторожно кладу руку на его плечо и сажусь на колено. Он обхватывает меня рукой за талию, чтобы я не свалилась на пол. Я накалываю помидор и протягиваю ему, старательно не глядя в глаза.

Он не двигается.

– Его полагается класть в рот, кажется, – подсказывает он услужливо.

Я поднимаю взгляд. Я вроде как машу помидором у его горла, как будто это оружие. Я перенаправляю вилку к губам, и он берёт кусок с выражением глубокого отвращения.

– Спасибо, – говорит он формально, уже спихивая меня с себя. – Слезай теперь.

Я семеню, как краб, обратно в свой угол и пытаюсь с помощью терапевтических упражнений стереть это воспоминание немедленно. Может, если буду считать до десяти и дышать глубоко?

Следующий интервьюер заходит через несколько минут, и камеры снова начинают работать. Сразу что-то кажется другим. А именно: женщина явно невероятно возбуждена моим парнем. Она не может оторвать от него руки, как магнит от металла.

– Как вы готовились к роли? У вас, наверное, был интенсивный режим тренировок, – мурлычет она, протягивая руку и сжимая бицепс Дмитрия.

Он пытается стряхнуть её, но она цепляется за его бицепс, как сексуально озабоченная мидия.

– Белки яиц. Можете отпустить меня, пожалуйста? – Его голос тщательно вежлив, но напряжён.

Мой рот открывается, когда она наклоняется вперёд и проводит ухоженными ногтями по его челюсти.

– И посмотрите на эту линию челюсти. Ух. Вы видите это, дамы дома?

Руки Дмитрия сжимаются по бокам.

– Не. Трогайте. Моё. Лицо.

Она хихикает. Константин выходит из тени, как мститель.

– Держите руки подальше от моего клиента, пожалуйста. – Он улыбается женщине так холодно, что в воздухе начинают образовываться кристаллы льда.

Она фыркает, поворачиваясь к своим записям.

– Итак, Дмитрий. – Вдруг она вся деловая. – Ваш персонаж, Страж, на протяжении всего фильма борется с проблемами наркотиков и алкоголя.

– Да, – говорит Дмитрий. – Они мотивируют многие его действия.

– Правильно. Очевидно, мы все в курсе употребления алкоголя вашей матери. Вы бы сказали, что опыт жизни с зависимой помог в изображении персонажа?

Наступает пауза. Я поднимаю взгляд и вижу, как Константин яростно сигнализирует что-то интервьюеру. Похоже, это может быть угроза смерти. Там точно какое-то движение, имитирующее удушение. Весьма реалистичное.

– Чего? – спрашивает Дмитрий. Его голос звучит странно и глухо.

Журналистка с довольным видом повторяет вопрос.

Константин слышно стонет. Дмитрий закрывает глаза на секунду, потом делает глубокий вдох.

– Я здесь не для того, – он выговаривает каждое слово очень чётко, – чтобы говорить о своей личной жизни. Спрашивайте о фильме, или я уйду.

Она выглядит странно торжествующей, как будто выиграла приз.

– Любой может увидеть сходства между поведением вашего персонажа и её. Было ли больно переживать эти воспоминания заново?

Дмитрий уже качает головой.

– Я не собираюсь этим заниматься, чёрт возьми. – Он резко встаёт и срывает с себя петличный микрофон, бросает его на кресло с шипением статики, потом вылетает из комнаты, окружённый Константином, который жестом зовёт меня следовать.

Я вскакиваю на ноги и спотыкаюсь, затем бегу по коридору за ними. Константин тянет Дмитрия через дверь, которую я не заметила раньше, и держит её открытой для меня тоже.

– Что случилось со списком? – бушует Дмитрий, расстёгивая рубашку.

– Запрещённых вопросов? Я дал его им. И сказал раз пятнадцать: никакого касания данной темы. – Константин передаёт ему пластиковый пакет. – Дыши. Успокойся.

– Вот черти.

Константин морщится.

– Бузз всегда был полон идиотов.

Я смотрю на Дмитрия с беспокойством.

– Почему они задают вопросы, на которые ты сказал, что не ответишь?

Дмитрий достаёт что-то белое из пакета и встряхивает. Похоже, он никогда больше не заговорит со мной.

Константин сжалился надо мной.

– Повестка прессы сильно изменилась за последние пять лет. Благодаря соцсетям, новостные станции ищут клипы, которые станут вирусными, какими бы неловкими или жестокими они ни были. Если Дмитрий уйдёт посреди интервью, или выругается, или просто будет выглядеть разозлённым, люди поделятся видео, и их рейтинги вырастут.

– Они специально провоцируют тебя ради просмотров?

– Не всегда, – говорит Константин, – но достаточно часто.

– Но это ужасно! – Даже я вижу, что это расстроило его, а его лицо обычно кажется мне очень скучающей скалой.

– Просто часть работы, – резко говорит Дмитрий. – Нет нужды рыдать об этом.

Без всякого предупреждения он скидывает рубашку.

Я мельком вижу множество, множество прессы, прежде чем зажмуриться.

– Эм!

– Чего.

– Почему ты раздеваешься? – Я звучу невероятно шокированной, как пионервожатая, застукавшая кого-то в неподобающем месте.

– Отвернись.

– Она закрыла глаза, на самом деле, – говорит Константин. – Он переодевается к ужину, Катя.

– Почему?

– Потому что, – говорит Константин, – пришло время вашего первого свидания.

Глава 11

В ресторане мы с Дмитрием сидим за столом, накрытым шёлковой скатертью, прямо у самого окна – для максимальной демонстрации публике. Рядом с моей тарелкой выстроились пять вилок разного размера, словно почётный караул, а салфетки сложены в изящных лебедей. Я заказываю еду и думаю, что сейчас начнётся светская беседа, но потом мы просто сидим в полной тишине целых полчаса, ожидая еду. Тишина такая, что слышно, как где-то на кухне кто-то уронил ложку.

Я вижу, как прохожие на улице оборачиваются и пялятся на нас через стекло. Некоторые даже останавливаются как вкопанные и направляют телефоны в нашу сторону, снимая нас через витрину. Это особенно нелепо выглядит, потому что Дмитрий не перестаёт стучать по своему телефону, даже не поднимая головы. Интересно, чем он там вообще занят? Играет в высокорискованную игру в «Змейку»? Пишет роман? А может, у него есть другая, более интересная фальшивая подруга, с которой он сейчас переписывается? Меня что, бросают прямо на первом же свидании?

Я чувствую себя немного обиженной. Неужели все эти наши отношения сведутся к тому, что я буду сидеть как лимон на банкете, пока он меня игнорирует? В конце концов я тоже достаю свой телефон и надеюсь, что люди за окном подумают, будто мы с любовью играем во что-нибудь романтическое онлайн. Или хотя бы обмениваемся милыми сообщениями.

Я чуть не умираю от возбуждения, когда наконец-то приносят мою пасту, дымящуюся и источающую божественный аромат в тающем кремовом соусе.

– Спасибо огромное! Это выглядит невероятно вкусно! – говорю я официанту.

Дмитрий только молча тыкает пальцем по своему бокалу вина, даже не взглянув на человека, и мужчина буквально срывается с места, чтобы принести бутылку. К счастью, Дмитрий заказал стейк, а значит, ему всё-таки приходится отложить свой проклятый телефон в сторону, чтобы нарезать мясо.

Я решаю воспользоваться моментом и набрасываюсь с вопросом:

– Итак...

Одновременно с этим я засовываю в рот большую порцию пасты. Это оказывается ужасным решением, потому что теперь мне приходится лихорадочно жевать твёрдые углеводы, прежде чем закончить хоть какое-то предложение.

Дмитрий поднимает бровь, глядя на меня:

– Да?

Я пытаюсь проглотить ком макарон, запивая вином, и начинаю давиться. Глаза на мокром месте.

Его бровь ползёт ещё выше:

– Тебе нужна помощь?

– Не знала, что тебе вообще не всё равно, – выдавливаю я, стуча себя по груди кулаком.

– Будет немного подозрительно, если ты умрёшь прямо на нашем первом свидании, – произносит он невозмутимо.

То, как он подчёркивает слово «первом», меня очень беспокоит. Словно он уже запланировал моё убийство на втором.

Я наконец прочищаю дыхательные пути и делаю глубокий вдох:

– Слушай, мне кажется, тебе стоит, э-э, ввести меня в курс дела, да? Я понимаю, что должна быть твоей молчаливой улыбающейся подругой на картинке, но рано или поздно кто-нибудь поймёт, что я говорю по-русски и вообще умею разговаривать. Я не хочу случайно ляпнуть что-то не то. Каких тем мне избегать?

Он аккуратно касается ножа и вилки, выравнивая их:

– Не говори с прессой о моей семье. Никогда. Ни слова.

– Это будет очень легко, потому что я вообще ничего не знаю о твоей семье, – честно признаюсь я.

До сегодняшнего утреннего интервью я была уверена, что он вырос где-нибудь в пробирке. Или был склеен из чрезвычайно красивых трупов каким-нибудь сумасшедшим учёным в подвале.

Он смотрит на меня без малейших эмоций:

– Моя мать – Ангелина Тан.

Я понимающе киваю, изображая, что знаю:

– Да, я понятия не имею, кто это.

Он хмурится, явно удивлённый:

– Из сериала «Влипли в историю».

– О, тот сериал из девяностых? У моих родителей вообще не было телевизора, когда я была ребёнком, так что я его не смотрела, – объясняю я и вспоминаю утреннее интервью. – Э-э...

Дмитрий мгновенно читает мои мысли:

– Она не была алкоголичкой, – говорит он резко и отчётливо. – Она заболела. Серьёзно заболела. Из-за этого сильно похудела. А СМИ ухватились за это и решили, что она пила. Им же нужна была сенсация.

Господи. Я чувствую себя ужасно:

– Она... она сейчас чувствует себя лучше?

– Не совсем, – он методично режет стейк. – Она мертва.

Я роняю свою крошечную вилку, и та звонко падает на тарелку:

– О. Чёрт. Проклятье. Мне так жаль, правда.

– Сильно сомневаюсь, что ты имеешь к этому хоть какое-то отношение, – произносит он ровным голосом. – У неё случился сердечный приступ три года назад.

Он опускает голову, и тени ползут по его лицу, делая черты ещё более резкими:

– Репортёры обязательно будут спрашивать тебя о ней. Вот прямо лезть с вопросами. Я не хочу, чтобы ты когда-либо отвечала на них. Вообще никогда.

– Хорошо, – говорю я тихо. – Конечно. Обещаю.

Очередной фотограф прижимается вплотную к окну снаружи, чуть ли не расплющив нос о стекло, и я нервно машу ему рукой, не зная, что ещё делать. Дмитрий тяжело вздыхает и берёт мою руку, держа её так, будто она сделана из горячей крапивы. Свет свечи мерцает на наших переплетённых пальцах, создавая иллюзию нежности.

– А твой отец? – осторожно спрашиваю я, боясь ответа.

– Он редкостный подонок. Живёт где-то в Корее. Я с ним вообще не общаюсь. Мои родители развелись, когда я был совсем ребёнком. Мы с мамой переехали сюда, из Кореи в Москву, чтобы убежать от него подальше.

Он откусывает ещё один кусок стейка, пережёвывает и только потом спрашивает:

– А твои родители? Они будут проблемой? Что они вообще думают о том, что ты якобы «встречаешься» со мной?

– Мои родители сейчас живут практически на Северном полюсе, – сообщаю я ему.

– Они что, эльфы? Поэтому ты такая маленькая?

– Нет, – усмехаюсь я. – Они оба самые обычные люди, просто экологи. Прямо сейчас они болтаются где-то в море Лаптевых на научно-исследовательском судне, изучают микроорганизмы в талых лужах на льдинах и ведут учет белых медведей где-нибудь на Земле Франца-Иосифа.

Я откусываю ещё кусок пасты с сыром:

– Они как бы вне сети постоянно. Сомневаюсь, что вообще узнают о тебе до тех пор, пока наш контракт не закончится.

Он обдумывает это целое мгновение, потом произносит:

– Это... удобно.

Говорит он так, словно моя семья – это просто плохо продуманная отмазка, которую я придумала специально для него.

Я с трудом борюсь с желанием закатить глаза:

– Ты меня поймал с поличным. Они просто нанятые актёры из массовки. Тебе нужны копии их свидетельств о рождении для проверки?

Он совершенно не улавливает сарказма в моём голосе:

– Отправь их Константину по электронной почте, он всё проверит как следует.

Дмитрий крутит бокал с вином в руке, как настоящий сноб из фильма:

– Вы вообще поддерживаете хоть какую-то связь?

Я качаю головой:

– Я вижу их примерно раз в год, обычно на Пасху или Новый год. Они отличные родители, не пойми меня неправильно, но мы никогда не были особенно близки душевно. У нас совершенно разные интересы и взгляды на жизнь. Они постоянно работают или сосредоточены на планировании следующей экспедиции в какую-нибудь глушь.

– Ты когда-нибудь ездила с ними в эти экспедиции?

Я решительно качаю головой:

– Нет. Ни разу. Я не люблю путешествовать, особенно в места дикой природы. Я обожаю комфорт. И цивилизацию. И горячую воду. Предпочитаю оставаться дома.

В своей тёплой постели. Есть чипсы и смотреть сериалы:

– Я, видимо, не унаследовала этот авантюрный ген совершенно.

– Братья, сёстры? Бабушки, дедушки? Тёти, дяди?

– Нет ни братьев, ни сестёр. Мама – единственный ребёнок в семье, бабушка и дедушка с её стороны уже давно умерли. А вся папина родня живёт где-то далеко за границей, мы с ними почти не общаемся.

– А где ты родилась? – спрашивает он, и выглядит при этом так, будто вот-вот попросит предъявить паспорт и доказательство гражданства.

– В Нижнем Новгороде, – отвечаю я. – У меня вообще мало связей с папиной родней.

– У тебя совсем нет семьи здесь, в Москве?

Я втыкаю вилку в пасту, внезапно почувствовав лёгкую тошноту:

– Я в полном порядке. Я привыкла держаться особняком. У меня есть сосед по квартире, и мне вполне хватает. Мне больше никто особо не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.